

Плохая девочка

Автор:

Лена Сокол

Плохая девочка

Лена Сокол

Горячая новинка

Мариана была примерной девочкой и прилежной ученицей. Пока в ее жизнь не ворвался Кай Турунен – ее сводный брат. Привлекательный, порочный и опасный парень. Теперь его ненависть разрушит ее мир, а ее любовь – оставит шрамы на его сердце. Очень скоро этих двоих ждет противостояние, которое изменит их жизни навсегда.

Лена Сокол

Плохая девочка

Глава 1

Мариана

– Что там? – Спрашиваю у толпящихся в коридоре студентов.

Из-за высоких дверей раздаются странные звуки. Будто кошку тошнит.

– Прислушивания. – Бросает через плечо один из ребят. – Конкурс на дополнительный курс по вокалу.

– Ух, ты... Ясно.

Значит, я опять заблудилась.

Сверяюсь со своим списком, затем смотрю на табличку с номером кабинета: «254-1». А мне нужна аудитория «245-1». Учебный год только начинается, а я уже второй раз опаздываю на лекцию. Катастрофа!

– Черт... – Бормочу под нос, отрывая взгляд от ежедневника. – Где же...

– Первый курс?

Передо мной парень. Высокий, светловолосый. С широкой, дружелюбной улыбкой.

– Что, прости?

– Я говорю, сегодня твой первый день? – Он сияет. – Ты – первокурсница?

– Я? А... в общем, да. – Задумчиво киваю.

– Так и подумал. У меня был точно такой же растерянный вид в первый учебный день. Или даже год. Ты заблудилась?

Я смотрю на него снизу вверх.

– К сожалению.

Парень понимающе заглядывает в мой ежедневник.

– В «Большом» легко потеряться. О, да ты составила расписание!

– С подсказками по поводу расположения аудиторий. – Смущенно признаюсь я. Закрываю ежедневник и прячу за спину. – И все равно умудрилась облажаться.

– Просто ты еще не выучила секретные ходы, – его улыбка дарит тепло, – они не указаны в планах здания.

– Секретные?

– Да. Переходы, по которым можно быстро перебраться из одной части университета в другую. Идем, покажу. – Он мягко подталкивает меня в сторону лестницы. – Какая аудитория тебе нужна?

– «245-1».

– Это здесь.

Я послушно следую за парнем. Мы огибаем лестницу, сворачиваем за угол, и перед нами оказывается переход, уставленный кадками с роскошными растениями. Из окон, застекленных в пол, открывается потрясающий вид на город.

– Ничего себе! – Вырывается у меня.

– Сразу за переходом направо. – Благородно пропускает меня вперед незнакомец. – Там нужная аудитория.

– Спасибо, а ты... – Я останавливаюсь.

– А мне в другую сторону. – Парень разводит руками.

И я еще раз отмечаю про себя, что он очень приятный.

– Спасибо еще раз...

– Макс. – Он протягивает мне руку.

- Мариана. - Пожимаю ее. - Мариана Турунен.

- Так ты... неместная? - Его лицо вытягивается. - Ох, прости за бестактность.

- Нет, все хорошо. Мой папа - финн. Мы из Сампо, это почти на границе, но уже восемь лет живем здесь.

- Тогда понятно, почему говоришь без акцента.

- Да. - Я бросаю взгляд на часы. Меньше минуты до лекции. - Ой, прости. Нужно бежать, иначе...

Макс понимающе кивает.

- Надеюсь, тебе понравится в Большом, Мариана! - Изящным жестом вскидывает ладонь. - Еще увидимся!

- Надеюсь. - Краснею я.

Разворачиваюсь и быстро даю деру по переходу - не хочется, чтобы Макс обнаружил мой сияющий румянец.

Каким бы симпатичным ни был этот парень, мне сейчас нужно думать не о нем. Получить достойное образование в одном из лучших университетов страны - вот, что я обещала маме перед ее смертью. И я шла к этой цели несколько лет. Прилежно училась, посещала репетитора и подготовительные курсы - все для того, чтобы поступить в Большой: так у нас называют этот госуниверситет.

Сейчас моя задача - сосредоточиться на учебе и не отвлекаться на посторонние дела. А если конкретнее: успешно справляться с основной программой, взять несколько дополнительных курсов и, если получится, пройти отбор на интенсив по истории мировой литературы.

Отец мог бы оплатить мое дополнительное обучение, но я не хочу его в это ввязывать: наш семейный капитал и так значительно уменьшился за время болезни мамы - пришлось продать контрольный пакет акций компании деловым партнерам. Если мне достанется бесплатное место на интенсиве, это его точно

порадует. Папа будет мной гордиться.

– Сразу быка за рога? – Раздается чей-то голос, когда я уже почти дохожу до конца перехода.

– Что? – Поворачиваюсь. Меня догоняет худенькая девчонка с медно-рыжими волосами и серебряным колечком в носу. – Это ты мне?

– Тебе. – Усмехается она. – Мы с тобой здесь первый день, а на тебя уже обратил внимание Макс Лернер. Вы та-а-ак мило ворковали. Другие девушки могут только мечтать о таком!

– Это который... – указываю в ту сторону, куда скрылся мой собеседник.

– «Лернер-логистикс», слышала?

– Кажется, нет. Нет.

– Ты что, с луны свалилась? – Удивляется девушка. – Его семья – одна из самых состоятельных в городе. Я Макса еще со школьных лет помню: он всегда был звездой гимназии, девчонки по нему с ума сходили.

– Ясно. Но меня это не интересует. – Открываю ежедневник и еще раз сверяюсь с записями. Отлично, передо мной нужная аудитория.

– Точно с луны.

– Прости. – Останавливаюсь, чтобы достать из кармана разрывающийся от звонка телефон. На экране незнакомый номер. Отвечаю: – Алло.

– Здравствуйте, приемное отделение городской клинической больницы. – Сообщает женский голос безэмоционально. – К нам поступил пациент после аварии, без документов, в его телефоне мы нашли ваш номер. Вы записаны в его справочнике как «Дочь».

Мое сознание мутнеет. Желудок скручивается в комок.

- У вас мой отец?.. Что с ним?!
- Вы должны срочно приехать. Он в состоянии крайней степени тяжести.
- Да, конечно. Назовите адрес!
- Для начала мне понадобятся данные вашего отца. Как его зовут?
- Турунен. Его зовут Харри Турунен!
- Это полное имя?
- Да. Без отчества.
- А вы?
- Я - Мариана. Его дочь.
- Есть еще какие-то родственники, которым следует сообщить о его состоянии?
- Нет. - Внутри у меня все обрывается. - Только я.
- Хорошо. - Звучит монотонный голос диспетчера. - Записывайте адрес.

Кай

Я вздрагиваю и просыпаюсь.

Какого черта?

Кровь глухо пульсирует в затылке, мышцы ломит, во рту дикая сухость. Я зажмуриваюсь, а затем снова открываю глаза. Часто моргаю, чтобы картинка прояснилась. И, наконец, начинаю различать обстановку: темно-синие обои,

идиотские малиновые шторы, гитара на стене.

Все ясно.

Я у Илона. Вчера была вечеринка. Я оттягивался до глубокой ночи, а потом...

Рядом что-то шевелится. И через секунду из-под одеяла показывается сонная девица: косметика размазана, волосы всклокочены, губы припухли и потрескались.

- Ты кто? - Спрашиваю я.

- Алиса.

Она зевает.

- Понятно.

Ни черта - на самом деле.

Мне ее имя ни о чем не говорит. Не припомню, что знакомился хоть с какой-то Алисой вчера ночью. Хорошо, хоть симпатичная. И с красивой фигурой - это я замечаю, когда она потягивается, и одеяло падает, обнажив ее грудь.

Меня мутит. Да так сильно, что на лице проступает пот. Тяжело вздохнув, я стираю его ладонью и пытаюсь встать с кровати.

- Кай? - Зовет она.

Значит, мы знакомы.

Поднявшись, я обнаруживаю, что полностью обнажен, но не пытаюсь прикрыться.

- Что?

– Мне понравилось. – Мурлычет девица, перекатываясь по постели, чтобы лечь ближе к краю. Теперь она не отводит взгляда от моей задницы. – Повторим как-нибудь?

Значит, у нас точно был секс. Ах, ну, вот. Я вижу на полу использованные средства защиты и пустую бутылку из-под виски.

– Где мой телефон? – Оглядываюсь.

– Наверное, остался в одежде. – Усмехается девчонка.

– А одежда?

Мне нужны хоть какие-то подсказки.

– Внизу, в гостиной.

Я что, поднялся сюда уже голым?

Но вместо того, чтобы произнести вопрос вслух, я сглатываю желчь и мычу:

– Хм.

– Да, хорошо повеселились. – Подтверждает мои мысли незнакомка.

Как там ее имя?

Голова кажется до жути тяжелой, а свет из окна слепит так, что взрезает веки. Прикрыв хозяйство декоративной подушкой, я покидаю комнату и бреду в поисках туалета.

Повсюду царит страшный бардак: на полу лежат пустые пивные банки, обертки, мишура, окурки. В смежных комнатах обнаруживаются спящие люди, лица которых я вижу впервые, но это не удивляет: просыпаться в странных местах после загула в странных компаниях в последнее время стало для меня нормой.

В ванной комнате ждет еще одна находка – женские кружевные трусики. Кто-то повесил их на зеркало, точно трофеем. Представив, чем тут могли заниматься этой ночью, я морщусь. А в следующую секунду еле успеваю наклониться над унитазом, и мой желудок покидает спиртное вместе с остатками еды.

Воспоминания о вчерашнем вечере проносятся перед глазами, точно кадры киноленты.

«О, это же Кай, проходи, брат!»

Они все рады меня видеть. Кто-то тут же протягивает бутылку.

Какая-то блондинка садится на колени.

«Уйди прочь, не люблю блондинок! – стряхиваю ее с себя, точно пиявку. – Лживые куклы!»

А потом смех, крики, свист, танцы. Я говорю какому-то придурку, что его подружка позволит мне себя трахнуть, если только поманю ее пальцем. Даже уговаривать не придется. Называю его импотентом. И зря.

Сплюнув в последний раз, жму на кнопку слива. Выпрямляюсь, подхожу к раковине. Черт...

Область вокруг моего носа сильно припухла, даже глаза заплыли. Надо признать: выгляжу я дерьмово. Не дерьмовее, чем моя жизнь, но отражение в зеркале пугает. От боли не получается даже улыбнуться, а прикосновение к переносице переносится с трудом – череп буквально взрывается.

«Кай, все, хватит, прекрати!» – этот визг так и вибрирует в мозге.

Сначала тот козел ударил меня, а затем я его – бил, пока не содрал в кровь костяшки пальцев. Пока меня не оттащили. Если бы этого не произошло, я бы бил дальше – остервенело, яростно. На поражение. Пока бы не убил.

Я не знаю жалости и не умею прощать.

Только физическая боль приводит меня в чувство. Мне нужен был его удар, и я его получил. Что было дальше – тоже вполне закономерно. Поразив противника, я забрал свой приз. Алиса – точно, так ее звали. Сначала она брыкалась – для вида, а потом, смеясь, стала срывать с меня одежду прямо в гостиной под общий смех и крики.

Возможно, она думала, выставить меня идиотом. Раздеть и сбежать. Но я не дал бы ей такого шанса. Примерно представляю, чем мы с ней занимались всю ночь в спальне второго этажа, но теперь, глядя на себя в зеркало, понимаю – перед таким уродом с разбитым носом она вряд ли раздвинула бы ноги сейчас.

– Ох, дружище, это настоящий кошмар. – С этими словами встречает меня Илон.

Друг морщится, глядя на то, что стало с моим носом.

– Не говори-ка.

Он лежит на диване, закидывая в рот чипсы и запивая их какой-то дрянью из жестяной банки. Его родители должны вернуться в обед. Либо друг не переживает по поводу их возвращения, либо еще слишком рано, чтобы об этом беспокоиться.

– Не знаешь, где моя одежда?

Илон безучастно пожимает плечами.

– Если ты хоть что-то отыщешь в этом бардаке, это будет чудом.

– Ты накурился, что ли? – Машу перед его лицом рукой.

Такой заторможенный.

– Это любимая подушка моей мамы закрывает твои яйца, или у меня галлюцинации? – Вместо ответа, стонет он.

– Помоги найти мне одежду, и я верну твоей мамуле ее любимую подушку. – Рычу я.

- Она сама ее вышивала! - Сокрушается Илон.

- Главное, что вещь пригодилась.

Друг медленно обводит взглядом мое тело: все синяки, татуировки, загар, а затем вздыхает:

- Может, мне тоже заняться хоккеем?

- Ясно. - Отмахиваюсь я. - В поисках одежды ты мне не помощник.

Начинаю исследовать гостиную, поднимать вещи, заглядывать под диванные подушки, за шторы, под кресло. Обнаружив свои боксеры, спешно натягиваю на себя, затем отбрасываю в сторону подушку.

- Э-эй! - Плюется Илон.

Подушкой ему попало по лицу.

- Есть курить? - Спрашиваю у него.

- Ты же спортсмен, разве это не очень... - мямлит он.

- Есть курить, спрашиваю?

- Ок, дружище, не кипятись. - Илон выуживает из кармана пачку и зажигалку.

Прикурив, я продолжаю поиски. Швыряю вещи в разные стороны и не утруждаю себя тем, чтобы класть их на место. Бардак переходит из стадии «ужасный» в «катастрофический», но мне плевать - тем более, что Илону плевать вдвойне. Он точно под кайфом.

- Аллилуйя. - Выдыхаю, обнаружив свою одежду на пуфе.

Надеваю джинсы, футболку, кожаную куртку – и все это, не выпуская сигареты изо рта.

– Здесь есть пепельница, – напоминает Илон.

Но пепел уже летит на ковер.

– Оп, извини. – Хмыкаю я.

– Вчера кто-то снял, как ты бьешь этого парня в челюсть, и выложил в Тик-ток. Эффект с падением повторяется несколько раз. – Хихикает Илон. – Падает, поднимается, падает, поднимается. Как неваляшка!

– Выложил? Seriously?

– Ты стал звездой, дружище! – Он вытягивает ноги и кладет на стеклянный столик. – Там просмотров уже тыщ сто!

– Господи... – Тушу окурок в пепельнице. – А где мой телефон?

Стучу себя по карманам.

Как раз в этот момент хлопает входная дверь, и через пару секунд в гостиной появляется Эмилия. Моя девушка.

– Здорово, сестренка! – Приветствует ее Илон, закидывая чипсы в рот.

Он ждет очередное зрелище, ведь на лице у нее написано жуткое негодование. Вбивая каблуки в пол, она бросается ко мне. Ей даже не нужно осматриваться, чтобы понять, что этой ночью тут веселились. Без нее.

– Привет, Эм. – Хрипло говорю я.

Сейчас все будет по стандартной схеме. Она толкнет меня, начнет визжать, обвинять в том, что я конченный урод. Я промолчу. Затем она станет искать следы других женщин, а потом расплачется. И если Алиса к этому моменту не

успеет спуститься, и никто из участников вечеринки меня не выдаст, я просто прижму Эмилию к себе и скажу, что все хорошо, и зря она волнуется.

А если ее и это не устроит, и она начнет качать права, мне придется быть грубым. Обвиню ее в том, что она не дает мне ни глотка свободы и ни сантиметра собственного пространства, а затем скажу, чтобы катилась ко всем чертям. И тогда девушка бросится ко мне на шею с извинениями. С ней все так просто и так предсказуемо – слава богам.

А еще Эмилия самая красивая девчонка в Сампо, и потому мы встречаемся уже три года. Как бы сложно временами ни было.

– Кай! – Вскрикивает она.

Я натягиваю улыбку, готовясь к обычному выяснению отношений.

– Твой нос... – она замирает.

– Да, вчера на игре. – Пожимаю плечами. – Пришлось принять обезболивающее.

Киваю в сторону Илона, и тот салютует ей бутылкой.

Эмилия замирает в метре от меня и заламывает руки, будто не может сказать что-то очень важное.

«Это что-то новенькое» – настораживаюсь я.

– Кай, мне очень жаль...

– Да что такое?

– Твоя мать, она никак не могла дозвониться до тебя. Мы все не знали, где тебя искать...

– Какого черта? – Не выдерживаю я, выпрямляясь.

- Это насчет твоего папы.

Желчь снова подступает к горлу. Внутренности словно завязываются тугим узлом. Мне хочется съежиться от боли. Я будто снова становлюсь невидимым. Снова становлюсь глупым одиноким мальчишкой, вздрагивающим от телефонных звонков и щелчков двери в ожидании, что он вернется домой. Я снова на мгновение становлюсь подростком, мечтающим, что папа обнимет и скажет, как сильно любит.

А затем включается защитная броня.

- Не зови его так. - Я взъерошиваю волосы, прикуриваю еще одну сигарету и затягиваюсь дымом. - Он мне не отец.

- Он умер, Кай. - Дрожащим голосом сообщает Эмилия. - Твоего папы больше нет.

* * *

Помнится, мать тогда начала здорово прикладываться к бутылке.

Когда отец уходил на работу, она заваливалась у телевизора со стаканом дешевого портвейна - на хорошее вино не было денег - или с банкой пива. А к полудню ее уже было не растолкать. Мама спала сном мертвеца, а к вечеру, проснувшись, накачивалась еще сильнее. Отец стал раздражительным, срывался на нее за отсутствие ужина и грязную посуду, и тогда она устроила бунт - впервые ушла в запой и... из дома.

Мне было восемь, и я не очень хорошо помню, как именно и где она проводила время - был занят на тренировках. Но вечерние скандалы особенно врезались в память. Не застав ее дома после работы, отец уходил на поиски. Проверял темные подворотни, увеселительные заведения, квартиры соседей и сомнительные дома, больше похожие на притоны. А потом приводил ее, еле живую, или приносил на руках - если она была пьяна в стельку.

Так все кончилось, а начиналось более-менее сносно.

Я не помню, чтобы отец утешал ее, когда она начинала хандрить, или обещал, что вместе они справятся. Мать была танцовщицей и запила, когда получила серьезную травму на паркете и не смогла больше выступать со своей труппой в северной столице. Мы тогда обосновались в крохотной квартирке в Сампо, маленьком городишке возле северной границы, откуда был родом отец, и здесь она постоянно чувствовала, что задыхается.

Он не поддерживал ее, это точно. Иначе бы не позволил произойти тому, что с ней стало. Мать не могла найти работу – он злился, она скучала дома одна – он замыкался в себе, ей было плохо – отец этого не замечал. Теперь я почти уверен, что тогда она страдала от депрессии, он же постоянно подчеркивал, что ей стоит перестать изображать страдания и принять реальность.

Наверное, они были людьми из разных вселенных и потому совершенно не понимали друг друга. Но я не был виноват в этом и не заслуживал того, чтобы стать свидетелем рушения их отношений.

Ссоры. Они стали частью нашей повседневной жизни. С обвинениями, грязными оскорблениями, матом и битьем посуды. Мать орала, что посвятила жизнь никчемному человеку, а отец закрывался от нее в комнате, чтобы не слышать этого. Она пинала дверь и била в нее кулаками, пока синяки и раны на руках и коленях не начинали кровоточить, а потом уходила в другую комнату и наливала себе стаканчик, чтобы успокоиться. Очень быстро одного стаканчика стало не хватать, понадобилось два, а позже три и четыре.

Так продолжалось около двух лет, и все это время я метался меж двух огней. Слушал крики, ругань, видел драки – когда мать лупила отца, а тот продолжал терпеть это с каменным взглядом, устремленным в стену. В душе я понимал, что так не будет продолжаться вечно. Однажды она устанет биться в глухую стену, а ему надоест прятаться от нее в панцире мнимого равнодушия, и все рухнет. Но я не готов был к тому, что это произойдет так скоро и внезапно.

Тот день словно был каким-то особенным.

С вечера не было никаких скандалов, мать была пьяна, но они с отцом вполне мирно общались перед сном, а утром она даже встала пораньше, чтобы приготовить нам завтрак – яичницу, которую ей, на удивление, удалось не сжечь.

- Сегодня игра. - Напомнил я отцу. - Ты успеешь?

Год назад он сам привел меня на просмотр в хоккейную академию. Очень переживал, смогу ли я пройти и получить место в команде. Ужасно радовался, когда у меня это получилось. И когда мать протестовала, что у нас нет денег, чтобы вкладываться в экипировку, тренировки и будущие сборы, он рьяно защищал свою идею, обещая, что будет работать вдвое усерднее, чтобы оплатить все необходимое для сына.

Тогда я еще был его сыном...

- Как раз после работы поеду прямиком на ледовую арену. - Пообещал он мне.

Глотнул кофе и поставил чашку на стол. Вниз по чашке, с того края, где он коснулся ее губами, поползла черная капля. Я смотрел на след, который она оставляет, и думал о том, что это важный день, и мне нужно приложить все усилия, чтобы победить в своей первой важной игре. Чтобы оправдать надежды отца. Чтобы не подвести его.

Не знаю, о чем он думал в тот момент. Но никогда не забуду, как посмотрел на меня, слегка улыбнулся и с теплом потрепал по голове.

В тот день в школе мне везло буквально на каждом уроке. Пятерка за контрольную по чтению, свободное времяпрепровождение на физкультуре, а вместо противной математики - дежурство в раздевалке. Я отлично провел время. А на обратной дороге нашел кошелек с несколькими купюрами и заспешил домой, чтобы обрадовать мать. Если она не пропьет эти деньги, то мы сможем заплатить за свет и воду в этом месяце.

Отец повстречался мне на лестнице, когда я, перепрыгивая через две ступени, поднимался на свой этаж. Он спускался, держа на плече увесистую спортивную сумку. И заметно растерялся, столкнувшись со мной лицом к лицу.

- Папа, а ты куда? - Впился я глазами в сумку. - Разве ты не на работе?

- Да, я... вот, нужно вынести мусор.

Меня должно было насторожить, что он избегает моего взгляда, но вместо этого я отошел на шаг, чтобы пропустить его.

– А где мама?

– Сейчас только выброшу мусор и сразу вернусь. – Нервно выдохнул отец и помчался вниз, не разбирая ступеней.

Это была его последняя и самая жестокая ложь.

– Харри! – Завопила мать.

Я побежал на ее голос.

За свет мы так и не заплатили. Нам его отключили. А через месяц нас завалили всевозможными счетами и судебными требованиями, потому что отец больше не вернулся.

Я так и не узнал, что произошло между ними в тот день, когда отец вернулся с работы пораньше, чтобы собрать свои вещи и уйти. Мать ползала по коридору в собственной рвоте и слезах. В квартире густо пахло алкоголем и табачным дымом.

Любой бы не выдержал. Но не всякий ушел бы. Бросая мою мать, он бросил и меня. Мы с ней оба в один день стали бывшими для него. Ненужными. Мы стали воспоминанием, которое хочется стереть из памяти, будто его и не было вовсе.

Поняв, что отец сбежал, я бросился вниз по ступеням. Выбежал на улицу и стал звать его. Побежал в одну сторону, затем метнулся в другую. Возможно, он отошел за дерево и притаился, чтобы глупый мальчишка не увидел его. Возможно, так ему проще было бросить меня – ничего не объясняя. Бросать всегда легче, если не приходится смотреть в глаза.

Но в тот день я отчаянно не верил тому, что это действительно произошло. Тому, что он мог поступить так со мной. Пока мать заливала горе спиртным, я трудился на льду. Бесстрашно вступал в схватки, летел с клюшкой наперевес в самое пекло сражения, толкал корпусом игроков команды соперника и с

остервенением, не свойственным восьмилетке, ударял по шайбе – словно хотел запустить ее в космос.

Мне хотелось, чтобы он видел, как я могу. Чтобы гордился. Чтобы понял, как любит меня, и вернулся.

Но он не пришел.

Сколько я не рассматривал трибуны, его не увидел. Команда одержала победу, я получил растяжение. Тренер помог мне снять доспехи: коньки, ракушку, гетры, шорты, наколенники и комбинезон. Помог переодеться и отвез меня домой. Мне и раньше бывало нелегко, но в тот момент я вдруг понял – детство кончилось.

Харри Турунен больше не приходил. Ни к нам домой, ни на собрания в школу, ни на игры. Ни разу. Он больше не звонил моей матери и не искал встреч со мной. Когда она подала на алименты, он исправно платил их, но эти жалкие деньги, они не доходили до меня – мать их пропивала. И следующие несколько лет превратились в попытки выжить в водовороте ее бесчисленных пьянок.

Я возненавидел отца.

За его трусость, за черствость и эгоизм. За его безразличие. За блевотные массы пьяной матери, которые я отмывал ночами вместо того, чтобы спать или делать уроки. За смех и тычки ее пьяных кавалеров, которые стали приходить в дом толпами и чувствовали себя хозяевами в нашем доме. За ее беспамятство и похмельную агрессию, в течение которой она могла потчевать меня пощечинами или отборной бранью.

За годы, которых не было в моей жизни, потому что я пытался приспособиться к новой реальности. За то, что он сбежал и повесил на маленького ребенка ответственность, которую не захотел нести сам. И за детство, которое отнял у меня, убегая из нашей квартиры, не оборачиваясь.

Я возненавидел его за силу, которую обрел благодаря его побегу. За жесткость и характер, которые не подарил бы никакой спорт. За боль, которая обтесала меня точно камень, и за правду жизни, которая открылась мне раньше, чем любому из детей.

Конечно, я плакал, умоляя мать завязать с выпивкой. Лил слезы и просил больше не пускать в дом посторонних людей. Она не смогла бросить выпивку даже после того, как один из ее дружков поставил мне синяк под глазом. Веселье и алкогольный туман стали ее жизнью, я – остался за бортом.

Ситуация начала меняться года через три, когда кто-то из соседей пожаловался в социальную службу. Крупная, грубая тетка пришла к нам в квартиру морозным утром. Бесцеремонно отодвинула меня в сторону, вошла и стала фотографировать обстановку в каждой из комнат.

Дома было не так уж ужасно – накануне я успел немного прибраться, а маму забрала к себе после попойки сердобольная подружка.

– Где мать? – Спросила тетка грозно.

– Ушла за продуктами к завтраку. – Соврал я.

Дождлся, когда она полезет с проверкой в холодильник, и рванул к соседям. Там растолкал мать, заставил умыться, причесаться и вернуться домой. А когда она собралась, вручил ей пакет с продуктами, позаимствованными у соседей.

В тот раз нам повезло, и мать всерьез задумалась о том, как наладить жизнь. Она бросала пить, затем срывалась, затем проходила лечение и снова пила. Окончательно бросить мама решила, когда я на несколько дней ушел из дома. Мне тогда было лет одиннадцать. Меня приютила бабушка Хелена, но матери знать об этом было не обязательно.

Когда я вернулся, обезумевшая от испуга мать вынесла из дома все бутылки, порвала отношения с дружками-пьяницами и выучилась на мастера маникюра. Теперь в нашей квартире стало еще больше чужих людей, но все они были трезвыми, и в подавляющем большинстве женщинами – каждая приходила на маникюр со своими проблемами, радостями, новостями, и общение с ними удерживало мать на плаву.

Я рано начал работать – мне нужно было оплачивать снаряжение, тренировки и сборы. Мне было тринадцать, когда стал брать подработки: грузчиком, уборщиком, расклейщиком объявлений, помощником в цеху завода. Я ощущал себя взрослым и потому не мог больше принимать подачки от тренера,

стремившегося всеми силами удержать меня в спорте, и от бабушки, которая всякий раз рассовывала по моим карманам деньги, которые откладывала из собственной пенсии.

Я не привык надеяться, что что-то упадет мне с неба. Я выгрызал у судьбы свое и каждый день доказывал на льду, что достоин того, чтобы находиться там.

Утренние и вечерние тренировки, отработка техники движений, раскатка, откатка, вбрасывания, буллиты, отжимания. И все это по кругу, каждый день, снова и снова. Тогда, когда нормальные люди уже ложатся спать, или еще продолжают спать.

Комплекс «сухих» упражнений, бег, змейка, а затем новые ледовые сражения. Выезды в другие города, словно открывающие какой-то другой, неведомый мир, который мог бы однажды стать моим. Кувырки, отжимания, огромный ежедневный труд на тренировках – и мне пришлось сменить школу: новая обходилась недешево, зато расписание можно было подстроить под тренировки.

Мне нельзя было болеть: грипп – страшный враг спортсмена, больничный отнимает у тебя лидерскую позицию в команде. И спать тоже было нельзя: нужно было заниматься по школьной программе, помогать матери и успевать подрабатывать.

Вскоре я закрепил за собой позицию центрального нападающего. Мои реакция, скорость и выносливость росли, техника оттачивалась почти до автоматизма. К этому моменту вся стена в моей комнате уже была увешана кубками, медалями и плакатами. Успехи, неудачи, травмы – отец не знал ни о чем. К тому времени, он уже жил в достатке, и у него появилась новая семья – такая, о какой он всегда мечтал. Образцовая, идеальная. Та, которую не стыдно представить обществу.

Жена – стройная блондинка Мария с большими синими глазами и идеальной прической. Какая-то фифа из администрации города. Полагаю, он и бросил мою мать из-за нее. И ее дочь – Мариана. Очкастая выскочка, правильная до тошноты. Отличница, гордость школы.

Я впервые увидел ее на школьной линейке, где награждали лучших учеников. «Мариана Турунен» – произнесла директор, и меня словно ударили в солнечное

сплетение. Я растолкал толпу одноклассников, чтобы лучше рассмотреть однофамилицу, и когда она сделала шаг вперед, увидел за ее спиной своего отца. Тот с восторженным видом хлопал в ладоши, пока ее награждали грамотой – целых две минуты, без перерыва.

Директор что-то плела про то, что отец Марианы пожертвовал школе чуть ли не целое состояние, а меня в этот момент будто варили в кипятке заживо.

Я смотрел на эту щуплую отличницу с брекетами, на ее длинные косы, на идеально отглаженный сарафан, белую блузку и гольфы, и пытался осознать, что это она – та, кого мой отец теперь любит больше меня. Та, кому он посвящает все свое время, к кому ходит в школу на собрания и на выступления в хоре, кому помогает делать уроки, кого одевает, кого...

Я задыхался. Чуть не рухнул в обморок – такое у меня состояние было в тот момент. Стало так больно, так противно, что захотелось умереть.

Правду говорила мать, когда смотрела на их счастливые лица на снимках в местной газете: «Кто бросает своих детей, тот воспитывает чужих». А мне все равно было непонятно. Отказаться от своих генов, бросить, забыть, растоптать и начать жить заново, не вспоминая...

Эта боль долгие годы точила меня изнутри.

В той статье говорилось о том, что Турунены расширяют бизнес и уезжают в северную столицу, и я долгими вечерами смотрел в потолок и представлял, как они гуляют по городу и едят мороженое. И все втроем держатся за руки. И смеются. И потом идут в цирк, или в парк на аттракционы – да в любое место, которое мне недоступно, и там веселятся. Я мечтал, что однажды стану известным, и не буду нуждаться ни в чем.

И добьюсь этого сам.

А потом ярость накрывала меня с головой.

Я каждый день боролся за свое место в этом мире, а этой несуразной девчонке с жидкими косами все доставалось легко и просто. Почему? Почему я мечтал о

внимании отца, а она получала его каждый день – просто так, как что-то само собой разумеющееся? Разве это справедливо?!

Я закончил школу благодаря своему усердному труду, а не потому, что кто-то внес пожертвование. Я поступил в местный университет благодаря хоккею и оценкам за экзамены, а не потому, что кто-то договорился, чтобы меня приняли. И чем чаще я об этом думал, тем острее ощущал, что внутри меня что-то надломилось.

Ударяя клюшкой, я бил по отцу.

Сбивая с ног противника, я мстил тому, кто произвел меня на свет, а потом избавился от меня, как от надоевшей собачонки.

Ввязываясь в драку, я знал, что каждый удар станет ударом по воображаемому врагу из моих мыслей.

Он засел занозой в моем сердце, и что бы я не делал, у меня не получалось вынуть ее. Миллионы «Зачем?», «Почему?», «За что?» терзали меня во сне и наяву.

В детстве я думал, что добьюсь успеха на льду, и отец явится и скажет, что гордится мной. А повзрослев, мечтал, что однажды стану знаменитым, и он захочет пожать мне руку, а я отвечу, что его заслуги в этом нет. А позже я понял, что ненавижу его всем сердцем.

И все равно ждал, что этот человек однажды придет на мою игру. Искал его глазами в толпе и на трибунах. Но этого, конечно, не происходило.

И тогда я возненавидел и тех, кто отнял у меня отца. И его идеальную жену, из-за которой он не мог себе позволить свидания с сыном. И притворно ангельскую белокурую пиявку, которая получала от него то, что не принадлежало ей по закону и совести. Девочку, носившую его фамилию, ставшую заменой родному сыну и забравшую все его внимание. Мариану.

* * *

- А с руками что? - Тихо спрашивает Эмилия.

Косится на мои разбитые костяшки пальцев.

- Не твое дело. - Рычу я, стискивая челюсти.

И давлю на газ. Но, как бы ни старался, двигатель моей подержанной иномарки не способен на то, чтобы развить большую скорость. Я вложил в нее все свои сбережения, и, если смотреть правде в глаза - это просто рухлядь, место которой на свалке для автохлама.

- Кай, ты сейчас ужасно расстроен. - Примирительно говорит девушка.

- Да с чего бы? Я в прекрасном настроении! - Бью ладонями по рулю. - Смотри - улыбаюсь!

Моя безумная улыбка полна горечи, льющейся через край.

- Что я делаю не так? Скажи. - Ее преданный взгляд подбрасывает дров в огонь моего раздражения. - Ты в последнее время... ты ведь разрушаешь себя, Кай.

Мне приходится медленно выдохнуть и вдохнуть, чтобы не сорваться.

- С чего бы, Эм? Все ведь просто прекрасно в моей жизни, так?

- Ты поступил в университет, ты - ключевой игрок в команде, у тебя есть я. Только скажи, и мой отец устроит тебя к себе в компанию. Все будет...

- Ты знаешь, о чем я сейчас говорю! - Рываю я.

- Неужели, ты все еще винишь себя?.. - Ее голос сипнет.

- Я буду винить себя до конца своих дней. - Отвечаю холодно. - До конца своих гребаных дней!

Мои пальцы до боли впиваются в обод руля.

- Это неправильно. - Тихо говорит Эмилия, отворачиваясь к окну.

- Я рад, что ты спишь спокойно ночами.

- Потому, что я ни в чем не виновата! И ты тоже! - Не выдерживает она. - Хватит уже наказывать себя за то, чего не совершал!

Я бью по тормозам. Машина останавливается у обочины.

- Выходи.

- Кай, прости, милый. - Эмилия тянется ко мне. - Не знаю, что на меня нашло.

Эта девушка просто шикарна, у нее идеальная фигура, красивое лицо. Равных ей в городе нет. Она могла бы не растрачивать себя на такого, как я, но все равно делает это. Поэтому остатки моего уважения к ней растворяются в придорожном тумане.

- Все нормально. - Выдыхаю я, не глядя на нее. - Я не злюсь. Просто иди домой, а я поеду к себе.

- Но я могла бы поддержать тебя...

- Не стоит. У меня все в порядке.

Мои пальцы смыкаются и размыкаются на руле. Боясь, что напряжение хлынет через край, Эмилия послушно вылезает из машины.

- Как хочешь! - Она хлопает дверцей.

Я срываю автомобиль с места.

Мне не жаль ее. У нас давно все разладилось, если честно. А общие секреты делают совместное пребывание практически невыносимым. Если эта девушка будет рядом, мы вместе полетим в темную пропасть. В одном она права: я намеренно уничтожаю себя. Внутри меня та же чернота, что и снаружи.

* * *

– Какое счастье, сынок, ты пришел! Я чуть с ума не сошла! – Мать стискивает меня в объятиях, едва я переступаю порог. – Где ты был?

В квартире пахнет жареной картошкой, луком и табачным дымом. По ясной причине Эмилия никогда не переступала и не переступит порог моего жилища – я не собираюсь ее пугать.

Все мои нынешние друзья из другого мира: из того, где не бывает неоплаченных счетов, долгов по коммуналке, старых скрипучих деревянных полов и крикливых соседей, входящих без стука, когда им вздумается. Наша квартира – настоящий проходной двор, и Эмилии незачем было знакомиться с изнанкой моей жизни, ей хватало и странного запаха, исходящего временами от моей одежды – запаха бедности.

– Телефон остался в машине, мам. Не видел пропущенных.

– А это еще что? – Она отрывается от меня и оглядывает мое лицо.

– Это... так, вчера на игре.

– А, ну, не ври мне! – Мать с размаху бьет мне в грудь. – Твой тренер уже третий день телефоны обрывает! Обыскался тебя! Ты знаешь, что можешь вылететь из команды за пропуски?

«Да какая разница».

Я опускаю взгляд и вижу в ее руке мобильный.

– Ты говорила с тренером?

– Да, но я... – Она сглатывает. – Я должна сообщить тебе кое-что.

И в этот момент я замечаю, как опухло и покраснело ее лицо.

- Ты плакала?

- Твой отец... - Мать прижимает телефон к груди.

- А, ты про это. - Внутри меня что-то обрывается. Я отвожу взгляд, скидываю обувь и прохожу в гостиную. - Туда ему и дорога.

- Харри, конечно, вел себя по-скотски, - соглашается она, следуя за мной по пятам, - но все же, ты - его сын.

- Он и не вспоминал об этом. - Я снимаю куртку и швыряю на диван.

- Да, но... Его сбила машина, когда он переходил дорогу от стоянки к своему офису. Представляешь? Какая нелепая смерть.

- Я аж расчувствовался. - Хмыкаю.

- Кай! Так нельзя!

Мне приходится обернуться, что взглянуть ей в глаза.

Мать ниже меня на голову. Годы добавили ей морщин и полноты, но теперь она выглядит гораздо лучше, чем пять-семь лет назад. Нет алкогольной одутловатости на лице, взгляд абсолютно ясный. Если бы не по-дурацки повязанный на голове шейный платок, она выглядела бы гораздо моложе своих лет.

- Что заставило тебя переобуться, мам? Я думал, он сдохнет, а ты и бровью не поведешь.

- Я только что говорила с врачом клиники, где твой папаша испустил дух. - Наконец, мать деловито расправляет плечи. - У его соплячки случился нервный срыв, и ее накачали успокоительными.

- Ты о его дочери? - Я выгибаю бровь.

– Не называй ее так, у Харри был один ребенок, и это ты. – Прищуривается она. – Эта овца и не вспомнила бы, что у него есть и другие родственники, если бы ни обстоятельства.

– Какие?

– Через пару месяцев ей исполнится восемнадцать, а пока этого не случилось, ее грозятся забрать в социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних. Разве только... временно не назначить попечителя из числа родственников... – Мать ухмыляется. – Если кто-то выразит такое желание, конечно... И так как Харри удочерил ее, ближайшим родственником ей теперь приходится Хелена.

– И? Разве девчонка не может действовать самостоятельно? Ей же почти восемнадцать?

– Для признания самостоятельности нужно вести предпринимательскую деятельность или работать где-то. Но Мариана сейчас «совершенно убита горем». – Презрительно морщится она. – И пока кто-то не сообщил ей о такой возможности, мы можем взять все в свои руки. – Глаза матери загораются. – Кто-то должен забрать тело из больничного морга и оформить попечительство над девчонкой. Мы с Лео планируем забрать бабушку и поехать вместе в столицу: во-первых, она уже практически глухая, во-вторых, ее сын умер, и ей захочется присутствовать на похоронах, в-третьих, она не будет возражать против того, чтобы взять заботу о внучке и пожить с нами в особняке Турунена...

– Можно еще раз? – Хмурюсь я. – Ты собралась жить в его особняке?

– А что такого? – Всплескивает руками мать. – Девчонку отправят с детский дом до совершеннолетия, если не вмешаться! Зачем нам ждать полгода до вступления в наследство на твою долю, если мы можем пользоваться богатствами уже сейчас? Возьмем ее под опеку, въедем в дом, там же половина – наша!

– Есть еще его мать.

– Бабке недолго осталось. – Отмахивается она. – А так, я очень хорошо поговорила по телефону с Марианой. Девочка расстроена и напугана, я

пообещала, что мы привезем бабушку и все решим. – Мать победоносно улыбается. – Она уже ждет нас.

– Ты серьезно? – Мне не хочется верить своим ушам. – Да пусть ее забирают в этот детский дом, или как его там! Ей полезно. Меня тоже однажды чуть туда не забрали. – Я мерю комнату шагами, а затем поворачиваюсь к матери. – И вообще. Мне ничего от них не надо! К черту наследство!

– Что? – Ее лицо пунцовеет. – А я? – Она взмахивает руками. – Столько лет лишений, а взамен ничего? Его вторая жена по курортам каталась, пока я донашивала платье, в котором ходила беременная тобой! Она покупала себе украшения, а я в это время ставила заплатки на колготки! Кто мне возместит мои страдания? А?! Я тоже хочу долбаные бриллианты и чертовы Мальдивы! Сколько можно смотреть на других и облизываться? Я тоже хочу получить свое здесь и прямо сейчас. Я слишком долго этого ждала!

– Тебе не обязательно ехать для этого в столицу и брать на попечение эту девчонку. – Ледяным тоном говорю я.

– Харри – хитрый сукин сын. – Выплевывает мать с презрением. – Я хочу получить все, что мне положено. И то, что есть в документах, и недвижимость в Испании, которую он скупал втихаря. Я лично приеду в этот дом и проконтролирую, чтобы от меня не укрылось ни рубля, ни цента, ни несчастного евро. Начинается новая жизнь, сынок. – Улыбается она.

Вздыхнув, я поднимаю руки.

– Это без меня.

– Привет, сынок. – Заслышав крики, входит в комнату Лео.

Вообще-то, маминого последнего ухажера зовут Леонид, но он настолько изыскан, что предпочитает Лео.

Я оглядываю его с головы до ног: лысеющая башка, подкрашенные усики, растянутая майка, широкие шорты, в которых бледные ножки выглядят спичками, и... на них мои тапки.

– Я тебе не сынок. – Говорю сквозь зубы.

И ухожу.

* * *

– Турунен! – Окликает меня тренер.

Я иду по коридору спортивного центра с сумкой на плече. Останавливаюсь, слышав его голос. По спине пробегает неприятный холодок. С детства надо мной не было авторитетов, но этот человек – исключение.

– Да? – Оборачиваюсь я неохотно.

Лицо Олега Даниловича выглядит безразличным. Это плохо.

– Можешь не переодеваться. – Бросает он. – Команда в тебе больше не нуждается.

Разворачивается и уходит в тренерскую.

Я шумно выдыхаю, мои плечи опускаются. Тренер никогда не шутит. Лучше сто раз нарваться на его гнев, чем заметить холодное равнодушие во взгляде – это знает каждый.

Я поправляю сумку и плетусь за ним. Стучу в дверь, захожу в тренерскую.

– Олег Данилыч.

– Со сколько лет ты занимаешься у меня, Турунен? С семи? Восьми? – Мужчина встает у стола и проводит рукой по седым волосам. – Ты как никто другой должен знать, что пропуск без уважительной причины – повод к отчислению!

– Знаю. – Говорю хмуро.

– И сколько ты уже пропустил? – Он прищуривается. – Хочешь – приходишь, не хочешь – гуляешь. Почему я должен вызванивать тебя по знакомым и родственникам, точно отвергнутая влюбленная гимназистка? Ты кто, вообще? Ноль без палочки! Мне такие игроки не нужны. Убирайся!

Громыхание его голоса заставляет меня опустить голову.

– Команда ничего не потеряет без тебя. – Тренер взмахивает рукой в сторону двери. – Давай, проваливай.

Я не двигаюсь с места. Судорожно втягиваю носом воздух. Тренировка – вот, что мне сейчас нужно, чтобы прийти в себя. Ожесточенная борьба на льду, пот, скорость, удары, крики. Я просто хочу скинуть напряжение. Он не может вышвырнуть меня просто так. Не сейчас.

– Я не уйду. – Поднимаю взгляд и смотрю на него с вызовом.

– Что с рожей? – С отвращением морщится тренер.

– Это... – Я касаюсь пальцами переносицы. – Так, небольшое недоразумение.

Мужчина качает головой.

– Да что с тобой такое, Кай? – Спрашивает он тепло, по-отечески. – Я весь последний год наблюдаю, как ты разрушаешь себя. Сигареты, выпивка, гулянки до утра. Разве это достойно спортсмена? Разве для этого ты проделал такой длинный путь?

Он брезгливо сплевывает.

Ему не понять, даже если попытаюсь объяснить. Это за гранью понимания любого здравомыслящего человека. Мне так плохо, что я просто разваливаюсь на части. Я давно потерял себя. Мне нужно цепляться за что-то, чтобы хотеть жить, но такой причины нет.

– У меня отец умер. – Озвучиваю первое, что приходит в голову.

И в сердце рождается самая настоящая фантомная боль. Обычно так называют боль, которую ты испытываешь в ампутированной конечности – руки или ноги больше нет, но она болит, и это ощущение реальнее любого из чувств. Я вычеркнул отца из собственной жизни, вырезал из сердца, но боль возвращается, стоит только упомянуть о блудном родителе.

– Мне жаль. – Хрипло говорит тренер, глядя на меня с сожалением.

В этот момент я ощущаю противную горечь, потому что прикрылся смертью того, кто ничего для меня больше не значил.

– Я искал тебя, чтобы сообщить новость. – После паузы добавляет Олег Данилович.

– Какую?

Нервно сглатываю.

– На последней игре на тебя обратили внимание селекционеры столичной северной академии. Есть шанс заиграть в хорошей команде.

– Меня отобрали? – Я не могу поверить собственным ушам.

Сердце замирает, а затем пускается вскачь. Эти слова я мечтал услышать всю свою сознательную жизнь, но теперь чувствую какой-то подвох.

– Таких, как ты, в стране очень много, Кай. – Вздыхает Олег Данилович. – У меня громадный опыт в этой сфере, ты знаешь. Мало быть талантливым, нужно трудиться, трудиться и трудиться. И даже этого будет недостаточно. На одном таланте в этой стране далеко не уедешь: финансовая составляющая твоего перехода очень важна. Чтобы не полировать лавку, а иметь постоянную игровую практику, нужно платить. Юношей много, и тренеры крупных клубов зарабатывают на этом деньги – на откатах и прочем. Чьи-то родители регулярно заносят определенные суммы, надеясь, что однажды их сын станет звездой, другие игроки сами отдают тренерам часть своей зарплаты, чтобы оставаться в клубе и играть.

– Я в курсе этой системы. – Напряжение в моем голосе выдает хрипотца.

– Академия готова прямо сейчас забрать тебя. Они в короткие сроки оформят перевод в столичный вуз на спортфак, но жилье так же быстро предоставить не смогут, поэтому придется подождать и найти съемное. У тебя умер отец, и это психологическая травма, я понимаю. Тебе нужно взять себя в руки, Кай, и ухватиться за этот шанс. – Он делает шаг ко мне и замирает. Сжимает пальцы в кулаки. – Ты можешь играть, я знаю. Но то, что происходит с тобой в последнее время... Хочешь ли ты этого? Хочешь ли играть, Кай? Готов ли сражаться за эту возможность?

– А деньги? – Усмехаюсь я.

Этот вопрос важнее. И Олег Данилович прекрасно осведомлен о моем финансовом положении.

– Я говорил с тренером, который заинтересован в твоём переходе. Но это разговор, а там, ты же понимаешь, будет совсем по-другому. Спорт стал заложником прогнившей насквозь системы.

– Так о каких суммах идет речь? – Спрашиваю я.

Внутри у меня все горит.

Сочувственно кивнув, тренер пишет на листочке цифры и показывает мне.

– Это на первых порах. Лично ему в руки.

Я присвистываю.

– Но у меня...

– Ты можешь продать машину. – Предлагает тренер. – Я слышал, как Виртанен предлагал тебе за нее гораздо больше, чем она на самом деле может стоить.

– А потом?

– Не знаю. Устроишься на работу. Со временем заиграешь в полную, станешь получать по контракту и делиться. Кстати. – Его взгляд проясняется. – Разве тебе не полагается что-то от отца? Через полгода ты сможешь распоряжаться этими средствами.

Чернота внутри меня начинает бурлить.

– Мне от него ничего не нужно.

– А мне кажется, Харри Турунен тебе многое задолжал. – Суровееет голос тренера. – Как минимум, за то, что оказался паршивым отцом. Ты ведь просто берешь свое, Кай. То, что тебе причитается. Нельзя просто произвести ребенка на свет и снять с себя всю ответственность. – Он подходит и хлопает меня по плечу. – Мой отец не бросал меня, но сделал все, чтобы я его ненавидел. Когда мне говорили: «Это же твой папа, ты должен любить его», я отвечал: «А разве это не взаимная ответственность? Он тоже должен был меня любить, обнимать, заботиться, а вместо этого долгие годы делал мою жизнь невыносимой». Мало просто дать жизнь, нужна еще и поддержка, родительское плечо в трудные моменты. Я думаю, ты имеешь полное право на возмещение морального ущерба. Это будет вклад Харри Турунена в твое будущее.

– Вы бы использовали этот шанс на моем месте? – С сомнением спрашиваю я его.

– Переехать отсюда, учиться в столичном вузе, играть в одной из лучших команд страны и доказать всему миру, что ты достоин всего этого? – Усмехается тренер. – Да я в твои годы порвал бы любого за такую возможность!

* * *

– Мне больше не с кем поговорить. – Признаюсь я, склонив голову у одной из могил на старом кладбище.

Возле плиты, на которой высечено «Покойся с миром» и ниже «Оливия Ярвинен», лежит букет белых хризантем[1 - Кай Турунен, Эмилия, Оливия Ярвинен являются героями книги «Небо, полное звезд» Лены Сокол.].

Я закуриваю и выпускаю дым тонкой струйкой.

– Кто бы мог подумать, что я буду навещать тебя так часто, да?

На кладбище стоит тишина, и мне, разумеется, никто не ответит, но перед внутренним взором встает образ погибшей девчонки: хрупкие плечи, длинные волосы, большие светлые глаза. Она улыбается. И я ненавижу ее за это. И себя – за то, что из-за меня она больше никогда не будет улыбаться никому из живых.

Мои губы дрожат, и дышать становится труднее – воздуха как будто не хватает.

– Это не нормально, что ты сюда приходишь. – Слышится голос.

Я чуть не вздрагиваю. Стиснув зубы, оборачиваюсь.

– Чего тебе? – Спрашиваю.

Меня накрывает волной гнева. Я злюсь за то, что Эмилия застала меня здесь в момент моей слабости. Никто не должен видеть меня таким: растерянным, сломленным, с глазами, покрасневшими от готовых пролиться слез.

– Я так и знала, что найду тебя здесь. – Недовольно морщит носик Эмилия. – Может, хватит уже ходить сюда ей на поклон? – Она бросает раздраженный взгляд на могилу Оливии. – Ты не виноват, что эта блаженная решила прогуляться в лес и дать там дуба! Никто не виноват в том, что она была не от мира сего!

Я часто-часто моргаю. Мне хочется смахнуть пальцами слезы, которые так и не сорвались с ресниц, но я этого не делаю – внутри все леденеет.

– Чего тебе? – Глухо повторяю вопрос.

– Что происходит, Кай? – Эмилия упирает руки в бока. – Я тебе больше не интересна? – Ее голос срывается на визг. – Почему все обсуждают видео в Тик-токе и говорят, что ты подрался с каким-то парнем из-за девицы? Почему ты, вообще, пошел на вечеринку и не взял меня с собой?

Как же я ненавижу такие моменты. У меня от этих звуков вскипает мозг.

– Потому, что я всегда делаю то, что хочу. – Отвечаю я с улыбкой. – Забыла?

Швыряю окурок на землю и вдавливаю в кладбищенскую грязь носком ботинка.

– А я?.. – Эмилия широко распахивает глаза.

Клянусь, она удивляется так, будто с ней это происходит впервые.

– А что ты? – Усмехаюсь я.

– Как ты можешь...

– Я уезжаю.

Эти слова окатывают ее, точно ледяной душ.

– Уезжаю в северную столицу. Меня берут в команду.

– А я? – Как заклинание, повторяет девушка.

Она выглядит ошеломленной и потерянной.

– А ты остаешься. – Развожу руками. – Или я должен предложить тебе руку и сердце? Seriously, Эм? Ты думала, мы будем жить вместе долго и счастливо и умрем в один день? Ну, прости. Это никогда не входило в мои планы.

Изумление в ее глазах быстро сменяется яростью, и это хороший знак. Эмилия должна понять, что я – не тот, кто ей нужен. Я никого не люблю, и никому не стоит любить меня.

– Ах, ты, козел! – Эти слова летят мне в спину, когда я разворачиваюсь и ухожу. – Подонок!

– Знаю.

Мариана

– Ну, как ты? – Девчонка с медно-рыжими волосами кладет руку на мое запястье, и я едва не подпрыгиваю от неожиданности.

Словно выныриваю из глубокого сна. Ах, это она.

Медики дали мне что-то такое, отчего мысли путаются, и постоянно хочется спать.

– Все хорошо. – Отвечаю я. – Спасибо, что осталась со мной на целый день...

– Алина. – Подсказывает она.

– Очень приятно. Мариана.

Новая знакомая выглядит дерзкой, уверенной в себе и смелой: пирсинг в носу, яркий цвет волос, модная стрижка, татуировка на шее, рваные колготки в сеточку, грубые кеды. И ее нежное имя резко диссонирует с внешностью, но об этом я решаю промолчать.

– Извини, что пропустила из-за меня первый учебный день, Алина.

– Ничего. – Отмахивается она и показывает язык. – Тебе же было паршиво. Разве я могла уехать?

Когда по телефону сказали, что отец в больнице, я так растерялась, что Алина это заметила. Она подвезла меня до клиники на своей машине, а затем сопроводила в приемный покой.

А дальше все было как в тумане потому, что мой мозг отказывался верить в произошедшее. Харри умер за пару минут до моего приезда, и когда мне сообщили об этом, я рыдала так, что медикам пришлось ввести мне успокоительное.

Мой мир рухнул.

Опознание погибшего стало новым ударом: я второй раз в жизни переживала потерю близкого человека. Харри всегда был добр ко мне, заботился, поддерживал, и после смерти мамы у меня не осталось ни одного близкого человека, кроме него.

Эти два года мы с отцом держались друг за друга, чтобы не унывать и жить дальше, и в тот момент, когда я увидела его лежащее на каталке под простыней тело, я едва не обезумела от горя. А, может, и обезумела – раз врачи решили дать мне лекарство и вызвали социального работника.

– Наверное, это за тобой. – Толкает меня локтем Алина.

И мы обе встаем с кресел в зале ожидания.

Соцработник подводит к нам пару средних лет. У женщины теплые карие глаза, темные кудрявые волосы, собранные в пучок на макушке и повязанные по-цыгански пестрым платком, и мягкая, сочувствующая улыбка. Ее спутник невысок и коренаст, у него совсем нет волос на голове, зато тонкая нитка усов над верхней губой выкрашена в ярко-черный цвет, а костюм выглядит так, будто он собрался на вечеринку в стиле тридцатых годов.

Занятная парочка. Оба выглядят странно, но мило.

– Девочка моя! – С этими словами женщина заключает меня в крепкие объятия. – Какое горе! – От нее пахнет густыми, сладкими духами, от которых перехватывает дух. – Я – Рита. Помнишь? Мы в обед говорили с тобой по телефону. Мне так жаль! – Она отстраняется, чтобы познакомить меня со своим спутником. – А это Лео, мой супруг.

Я пожимаю его горячую ладонь. На глаза снова пробираются слезы. Удивительно, как одно объятие может снова заставить чувствовать боль острее.

– Мы очень торопились. – Уверяет мужчина. – С тобой все в порядке?

– Не знаю. Да. Наверное, да.

Его губы изгибаются в улыбке, и крашенные усики повторяют это движение за ними.

- А где бабушка? - Оглядываюсь я.

- Ее провели сразу к Харри. - Сжимает мою ладонь Рита. - Сейчас вы с ней повидаетесь.

- Я, наверное, пойду. - Извиняется Алина.

- Еще раз спасибо. - Киваю ей.

Девушка уходит.

Это не страшно. Теперь я не одна.

- Ты только не переживай, - шепчет Рита, поглаживая мое плечо, - теперь мы здесь. Никто тебя не заберет, и бумажные дела тоже все уладим.

- Спасибо, что приехали. - Говорю, утирая слезы.

Благодарность за то, что они откликнулись и приехали, буквально переполняет меня. По сути, бабушка Хелена и бывшая семья Харри - чужие для меня люди, но известие о том, что до совершеннолетия я не могу вести самостоятельную жизнь, буквально выбило меня из колеи. Да, Харри был моим отчимом, и они не обязаны были поддерживать меня в такой момент, но две трети его имущества отойдет им, а, значит, нам в любом случае придется контактировать. И счастье, что эти люди так тепло отнеслись ко мне.

Через некоторое время нас приводят в то ужасное помещение, где находится тело отца. Из-за высоких металлических дверей вводят пожилую женщину. Я сразу узнаю в ней черты Харри: светлые глаза, прямой нос, тонкие губы. Она вся в слезах, ее морщинистые руки трясутся. Отец дважды в год уезжал, чтобы навестить ее, и я впервые жалею, что раньше мы никогда с ней не встречались. Нельзя оставлять стариков доживать свой век в одиночестве.

– Это Мариана. – Громко говорит Рита. И наклонившись к ее уху, повторяет: – Мари-а-на.

– А... – Глаза старушки вспыхивают ясным удивлением. – Дочка.

Мы обнимаемся и плачем.

Бабушка Хелена потеряла сына, ей еще тяжелее, чем мне. Рита обнимает нас обеих и тоже всхлипывает. Сквозь слезы я вижу, как Лео переглядывается с соцработником – тот теперь спокоен, что я не одна.

Два дня пролетают, словно в туманной дымке. Бабушка и родственники заселяются в наш дом – в гостевые комнаты на первом этаже. Папа купил этот двухэтажный коттедж в элитном поселке как раз перед тем, как мама заболела, поэтому мы не успели его толком обустроить, но Рита быстро осваивается и берет на себя все хлопоты: прибирается, готовит еду, пытается постоянно накормить меня и бабушку. Стоит признать, их присутствие в доме не дает мне провалиться в пучину одиночества и отчаяния.

– Нужно организовать Харри достойные похороны. – С утра после первой ночи в доме говорит мне Рита. – Как думаешь, его фирма возьмет на себя расходы?

– Похороны? Ох, точно. – Спыхватываюсь я.

В голове никак не укладывается мысль о том, что его больше нет, а тут это. Во взрослой жизни нужно быть достаточно стойким, чтобы решать такие вопросы, одновременно переживая горе.

– У мамы была глиома, и отец продал контрольный пакет акций партнерам, чтобы оплатить ее экспериментальное лечение. – Сообщаю я. – Но он все еще акционер, так что стоит переговорить с руководством фирмы. Возможно, они оплатят хотя бы часть расходов. – Я беру с камина ежедневник Харри. – Вот его записная книжка, тут все номера.

– Я займусь. – Улыбается Рита.

Мне все больше нравятся эта женщина и ее муж. Мы приятно и душевно общаемся за столом. Благодаря ее заботе, и бабушка начинает оживать. Слышит она плохо, но зато с удовольствием рассказывает мне истории из детства отца и гладит по волосам трясущейся рукой.

– Может быть, Харри держал дома наличность? – Подходит ко мне Рита вечером. – Суммы, которую выделит фирма, будет недостаточно, чтобы покрыть расходы. К тому же, у тебя есть на что жить до того момента, когда можно будет распорядиться наследством?

Я проверяю в сейфе в кабинете отца.

– Отлично. – Рита берет пачку купюр. – Этого должно хватить. Не переживай, я все организую.

– Спасибо.

Я и не переживаю.

Я просто тоскую по своей семье и той жизни, которой у меня уже не будет. По смеху мамы и ее крепким объятиям, по ворчанию отца, который с утра мог целый час искать очки или ключи, а потом уйти в офис в тапочках, по нашим поездкам по стране, во время которых родители вдохновлялись природой и культурой для поиска новых идей для своей фирмы. Я скучаю по всему тому, что когда-то было для меня естественным, как воздух, а теперь осталось лишь в воспоминаниях, и ищу в себе силы для того, чтобы вернуться к нормальной жизни и продолжить учебу.

– Все будет хорошо, – утешает меня Рита после похорон, когда мы возвращаемся домой.

И я верю ей.

И, глядя на нее, недоумеваю: что же заставило Харри расстаться с этой милой, доброй женщиной? Почему он никогда не говорил с нами о своей первой семье? Почему не упоминал их в разговорах? «Ему не просто», – поясняла мама, если я спрашивала. Но мне всегда хотелось познакомиться и с бабушкой, и сыном папы.

Мы бы подружались, если бы они приезжали в гости. Жаль, раньше этого не происходило, и понадобилась трагедия, чтобы объединить нас.

– Кай звонил! – Радостно сообщает Рита, потрясая в воздухе телефоном. – Лео, он сегодня приедет!

Услышав об этом, я ощущаю какое-то неясное волнение.

– Кай?

– Да, твой сводный брат. – Обнимает меня женщина. – Он тебе понравится!

– Это замечательно. – Я закусываю губу.

Моя жизнь меняется слишком резко – быстрее, чем успеваешь привыкнуть.

– Что? – Бабушка в кресле кутается в теплый плед.

– Твой внук едет, Хелена. – Наклоняется к ней Рита. – Наконец-то, будем все вместе!

Она пританцовывает.

– Приготовлю ему комнату. – Говорю я и поднимаюсь вверх.

На втором этаже только одна спальня свободна. Я вхожу и сажусь на кровать. Ощущение, что стены сжимаются, становится все острее. Я зажимаю глаза, чтобы не расплакаться – сама не знаю, почему, но эти чувства разрывают меня изнутри.

Кай приезжает, когда на улице уже темнеет.

Я понимаю это по звукам голосов, раздающихся в гостиной. Спускаюсь по лестнице и застываю на последней ступеньке.

– Твоя сестра приготовила тебе комнату на втором этаже. – С воодушевлением говорит Рита.

Она отступает на шаг, и я вижу парня.

Он высокий и крепкий, у него иссиня-черные волосы, рваными прядями уложенные в небрежную прическу. На нем мятые голубые джинсы и растянутая футболка, открывающая взору литые мышцы и яркие татуировки на коже. Одна из них – в виде змея – тянется от локтя вверх и прячется под рукав, другая – темнеет на шее, и ее рисунок напоминает языки пламени, вьющиеся вокруг латинских букв.

– Мариана, это Кай, познакомься! – Улыбается его мать.

Парень поднимает голову, и мое сердце падает в пропасть.

Шрам на брови, горбинка на носу, густые темные брови, сведенные к переносице. Он выглядит, точно уличный хулиган, и буквально припечатывает меня к полу своим резким и колючим взглядом.

При виде меня его синие глаза вспыхивают враждебностью, а пухлые губы злобно кривятся в ухмылке.

– Привет, – тихо говорю я, делая несмелый шаг, – рада познакомиться... Я – Мариана.

И протягиваю ему дрожащую руку.

Черты его лица заостряются сильнее, через нос вырывается раздраженный вздох. Парень яростно подхватывает с пола клюшку, затем тяжелую сумку, и, едва не задев меня плечом, проносится мимо.

Поднимается вверх по лестнице.

Я ошарашено вдыхаю аромат, застывший в воздухе – аромат его геля для душа. И хлопаю глазами: что это было вообще?

- Не обращай внимания, - поджимает губы Рита, - ему просто нужно привыкнуть.

На втором этаже стихают шаги, и только после этого я опускаю руку, протянутую для несостоявшегося рукопожатия.

Глава 2

Каждый по-своему переживает потерю близких, поэтому я должна постараться его понять. Должна.

Когда умерла моя мама, у меня не было сил даже разговаривать - сидела, уставившись в одну точку, и отказывалась верить в то, что это произошло на самом деле.

Злость пришла позже - от осознания, что вся наша отчаянная борьба за спасение ее жизни обернулась крахом. Мне казалось, врачи нас обманули, напрасно обнадежили, и тогда я впервые сорвалась на постороннего, ни в чем неповинного человека. Накричала на маминого лечащего врача, когда он позвонил, чтобы принести нам соболезнования. Потом было жутко стыдно, и пришлось извиняться, но факта это не отменяло - я выплеснула гнев и обиду на того, кто этого не заслуживал.

А когда умер Харри, я рыдала. Громко, отчаянно, на всю клинику - чем привела в смятение весь персонал. Сама от себя не ожидала. И не была готова к тому, что подобное может произойти со мной - сдержанной, немного замкнутой и, как говорили одноклассники, забитой девчонкой.

Каю труднее - речь идет о его родном отце. Какими бы ни были их отношения, он горюет. И потому имеет полное право на злость и отчаяние. Как бы меня не пугал взгляд этого парня, я собираюсь его поддержать.

- Прости, - говорю, входя следом за ним в спальню. - Кай?

Мое сердце стучит, точно сумасшедшее.

Парень стоит ко мне спиной, рассматривает что-то на экране своего телефона. Я быстро пробегаю глазами по обстановке: клюшка валяется посреди широкой кровати, огромная спортивная сумка – на туалетном столике. Видно, что он швырнул вещи небрежно, даже не заботясь о том, что им там совсем не место.

Я вдыхаю, судорожно выдыхаю и пытаюсь привлечь внимание еще раз:

– Кай?

Он выдирает из ушей наушники и швыряет на постель. Но не оборачивается. Значит, не слышал, как я вошла.

– Кай. – Прочищаю горло. – Ты ошибся комнатой.

Молчит.

– Мне очень жаль. – Я взволнованно топчусь на месте. – Но ты ошибся...

– Нет. – Холодно отрезает он.

Значит, все-таки слышит.

Я нервно облизываю губы.

– Я приготовила тебе соседнюю. – Говорю несмело. – Она тоже удобная и просторная. Пойдем, покажу.

– Нет. – Отзывается он. – Я остаюсь здесь.

– Но... – Мой голос сипнет.

Парень оборачивается так резко, что я невольно вздрагиваю. Мне не хочется показывать ему свой страх, но это происходит независимо от моего желания – он делает шаг, и я втягиваю голову в плечи, точно испуганный зверек.

Заметив это, Кай довольно ухмыляется.

- Мне нравится эта комната. - Произносит он.

Его пухлые губы кривятся.

Надо признать, злость идет этому парню. И он знает, какое впечатление производит на людей. Красивый и наглый засранец, считающий себя выше всех остальных.

- Ты не можешь здесь остаться. - Пищу я, отступая назад.

- Я всегда получаю то, что хочу. - Скалится он.

Эта самоуверенная улыбка обнажает щербинку меж его передних зубов. У меня не получается оторвать от нее взгляда: она идеально дополняет лицо, состоящее из небрежных шероховатостей, которые каким-то чудом все же складываются в грубую мужскую привлекательность.

- Но я... - Слова застревают в пересохшем горле, когда парень вдруг делает шаг и толкает дверь за моей спиной.

Та захлопывается, отрезая нас от остального мира. Теперь мы вдвоем в этой комнате. Наедине.

«Что он задумал?»

- Послушай, как там тебя..? - Резким движением Кай припечатывает меня к двери.

- Мариана. - Выдыхаю я.

Он не касается меня, но подходит так близко, что я вынуждена прижаться к дверному полотну затылком, лопатками и пятой точкой. Парень наклоняется к моему лицу, и от его болезненного, мрачного взгляда у меня начинает кружиться голова.

– Мариана. – Повторяет он мое имя с такой интонацией, с какой маньяк ломает жертве пальцы. С каким-то особым, садистским удовольствием. – Давай, ты сейчас свалишь из этой комнаты и больше не будешь попадаться мне на глаза? Хорошо? – Кай наклоняется еще ниже: так, что между нашими губами остается всего сантиметров десять, и мне удастся почувствовать сладость мятной жвачки в его дыхании. – Если до вступления в наследство будешь паинькой, отделаешься малой кровью. Но если будешь меня раздражать... – Он резко ставит руки на дверное полотно по обе стороны от моего лица.

Бам!

– Да как ты смеешь... – Произношу я, краснея.

Нужно оттолкнуть его от себя, но у меня нет сил даже для того, чтобы поднять дрожащие ладони.

– Заткнись, умоляю. – Кай зажмуривается, трясет головой. – Я только с дороги, еще мигрени не хватало.

Я начинаю дрожать всем телом.

– За что ты так со мной? Так грубо. – У меня не хватает слов, чтобы выразить возмущение. Не на такое знакомство со сводным братом я рассчитывала. – Мы же... родственники!

И тут он смеется мне прямо в лицо.

– Серьезно? – На его лбу появляются резкие складки, глаза наливаются льдом. Парень оглядывает меня с таким презрением, будто собирается плюнуть в лицо или ударить. – Мне ты не запудришь мозги, кукла. Ты отняла у меня все, и теперь я сделаю то же самое с тобой!

– О чем ты? – Мой голос сипнет, выдавая испуг. – Мы... мы ведь даже не знаем друг друга. Как ты...

– О, да ты не промах! – Кай грубо хватается пальцами меня за подбородок и подтягивает еще ближе к своему лицу. – Предлагаешь узнать друг друга

поближе?

- Пусти! - Я пытаюсь скинуть с себя его руку.

Это так унижительно, больно и обидно, что на глаза прорываются слезы.

- Тебе, наверное, ужасно не хочется делиться, да? - Усмехается он. - Привыкла к роскоши? Ну, теперь все изменится. - Игнорируя мои попытки вырваться, Кай все сильнее вдавликает меня в дверное полотно. - Теперь за тебя некому заступиться, девочка, и я прослежу, чтобы ты получила свое сполна. Я в этом доме не гость, ясно? Если захочу - отниму у тебя все. Так что держись от меня подальше!

- Уйди! - Я все-таки отрываю от себя его руку и вырываюсь. Бросаюсь к постели и скидываю на пол ключку, наушники, затем дергаю с туалетного столика его сумку, и она тоже летит вниз. - Тебе нельзя оставаться в этой комнате, ясно?! - От крика у меня хрипнет в горле. - Уходи!

Сквозь пелену из слез я вижу, как среди содержимого его сумки, вывалившегося на пол, блестят квадратики фольги - презервативы. И жар ударяет мне в лицо.

- Тебе бы нервы подлечить, дорогуша. - Ухмыляется Кай. - Я же сказал: остаюсь здесь - мне подходит именно эта комната.

Тяжело дыша, я стираю с глаз слезы.

- Ты не будешь жить в спальне моих родителей! - Бросаю ему в лицо. - И не будешь спать в кровати, на которой умирала моя мать!

Кажется, мои слова слегка отрезвляют мерзавца.

На секунду самоуверенное выражение покидает его лицо, но затем возвращается вновь. Подумав, Кай открывает рот, чтобы сказать очередную гадость, но тут дверь распахивается и на пороге появляется его мать.

- Что за шум? - Она с неподдельным изумлением оглядывает нас обоих и, тут же сориентировавшись, бросается ко мне. - Что такое, Марианочка?

Я зарываюсь в ее объятия и всхлипываю. Только бы не разреветься снова, но этот хам и так уже видел мои слезы.

– Что такое стряслось? – Поглаживая мою спину, строго спрашивает Риту у сына. – Ты что, ее обидел?

Я беру себя в руки и высвобождаюсь из объятий женщины.

– Это комната моих родителей, и я хочу, чтобы здесь все осталось таким, каким было при жизни мамы. – Объясняю, глядя в лицо обидчика. – Мне важна память о ней.

– Уверена, произошло недоразумение. – Спешит успокоить меня Рита, метнув в сына осуждающий взгляд. – Кай, мой мальчик, Мариана приготовила для тебя хорошую комнату, она через стенку, и из нее открывается шикарный вид на сад. Жаль, что ты решил с ходу показать себя не с лучшей стороны, но мы ведь забудем этот маленький конфликт, да?

Глаза Кая сужаются. Он готов испепелить меня взглядом, но на его губах играет улыбка. Неторопливо собрав с пола рассыпанные вещи, парень закидывает их в сумку, вешает сумку на плечо, берет клюшку, наушники и выходит из комнаты.

– Прости меня, девочка. – Обнимает меня Рита за плечи. – Прости, что пришлось это вытерпеть. Я с ним поговорю, ладно? Он больше не посмеет вести себя так. Знаешь, с Каем непросто. Очень непросто. – Она кусает губы. – Я воспитывала мальчишку одна, без отца... Ему тяжело пришлось, не досталось мужского воспитания... Все это, конечно, отразилось на характере. Поверь, он тоже переживает. Как и все мы.

– Все хорошо. – Киваю, утирая слезы.

Я понимаю ее. Маме тоже было тяжело, пока в ее жизни не появился Харри. Жаль, в мире не бывает справедливости абсолютно для всех.

Кай

Войдя в нужную комнату, я хлопаю дверь так, что по стенам разносится гул. Яростно швыряю клюшку, затем сумку на пол и с досады ударяю по ней ногой.

- Вот дерьмо!

Обхватив голову руками, пытаюсь отдышаться. Не выходит.

- Черт! Черт!

Стискиваю челюсти до боли, до хруста зубов.

«Как же я тебя ненавижу, воровка! Маленькая хитрая дрянь!»

Не в силах совладать с напряжением, я начинаю мерить комнату шагами.

«Что со мной такое? Что же пошло не так?»

Если честно, я опешил. Там, в гостиной, когда мы вдруг столкнулись взглядами. Тот образ, который я ненавидел годами, конечно, не растворился и не исчез, но претерпел значительные изменения: девчонка подросла, избавилась от брекетов и нелепых очков, ее формы стали женственными, а лицо вытянулось и приобрело идеальные, почти кукольные черты. Длинные пушистые ресницы, большие, и оттого кажущиеся по-детски наивными и чистыми, голубые глаза, сочные алые губы.

И я снова будто получил удар под дых – совсем как тогда, в школе.

Только теперь это чувство было иным. Сродни тому, когда ты еще в процессе хоккейного матча ощущаешь, что потерпишь поражение: противник сильнее, его команда превосходит твою на целую голову, и как бы ты ни старался, все, что ты можешь – лишь отбиваться. Едва увидев сводную сестру, я понял, что проиграю.

И мне пришлось взять паузу, чтобы вспомнить, кто я, и для чего нахожусь в этом доме.

«Да как ты смеешь...» – звенит в моей голове ее голос.

Пухлые губки обиженно надуваются, брови взлетают к переносице. От нее пахнет карамельными духами и ирисками – такой нежный, сладкий запах. Все девушки, которые были в моей постели, пахли иначе – страстью, хриплым шепотом, терпким желанием. Они знали, что хотят получить от мужчины, и что готовы ему предложить взамен. Мариана же источала аромат невинности. И взгляд, и осанка, и улыбка ее были такими же – открытыми, незапятнанными и хрупкими.

Девичьими.

«Мы же родственники!»

От этих слов мои внутренности будто провернули на мясорубке.

Вряд ли, папочкина любимица знала, что такое копить на новый рюкзак для школы или хоккейное снаряжение, подрабатывая все лето на солнцепеке грузчиком на складе. Вряд ли ей когда-то приходилось таскать на себе пьяных родителей или ощущать запах алкоголя в маминых поцелуях на ночь.

Отец ушел потому, что мог это сделать. У меня такой возможности не было. Я варился в собственному аду, и из него не было никакого выхода. А девчонка в это же время получала все самое лучшее: образование, репетиторов, медицинский уход, развлечения, и самое главное – родительскую любовь. Поэтому мне не было ее жаль. Не было ее жаль!

«Мы же родственники»...

Я усмехнулся, прокручивая в памяти эту полную лжи и лицемерия фразу.

Да она издевалась, честное слово!

От меня не укрылось и то, как Мариана разглядывала меня там, в гостиной, – с брезгливым любопытством. С превосходством. Маленькая испорченная папина дочка, возомнившая, что она выше всех остальных.

Пусть и дальше изображает робость и невинность, я не собирался вестись на ее дешевые трюки. Чертова святоша с ангельской внешностью! Да я ей не верю! Не

верю!

Так же, как и ее мать, которая увела моего отца из семьи, Мариана тоже считает, что может купить все, что захочет. Но я докажу ей, что она ошибается. Сводная сестрица будет страдать так же, как я когда-то. И даже больше... Я не успокоюсь, пока не превращу ее жизнь в ад. Пока она каждой своей слезинкой не возместит причиненный мне ущерб!

«Ты не будешь спать в кровати, в которой умирала моя мать!» – эхом отдаются в сознании ее слова.

И я зажмуриваюсь.

Снова вижу, как пылают ее щеки. Как слезы катятся из пронзительных голубых глаз. Как растрепанные светлые волосы рассыпаются по тонким плечам.

Но чем больше она трясется, изображая возмущение, тем сильнее меня бесит. Она просто притворяется. Каждая слезинка – очередная, наглая ложь. Сегодня девчонка добилась своего, но больше я ей не уступлю.

– И что это было? – Шипит мать, врываясь в мою комнату.

Она аккуратно прикрывает дверь, подходит и толкает меня в плечо.

– Мам, не трогай меня сейчас, – устало вздыхаю я.

– Не цепляй ее больше, понял? – Мама заставляет посмотреть ей в глаза.

– Мне плевать, что ты там задумала по поводу этой соплячки, но плясать перед ней на задних лапах я не намерен.

Лицо матери озаряется понимающей улыбкой и заполняется мелкими морщинками.

– И не нужно. – Ласково говорит она. – Просто давай полегче, хорошо? Она хоть и избалованная, но не тупая. С ней нужно осторожно. Сообразит, что может обойтись без нас, и разрулить ситуацию будет сложнее.

– В любом случае, мы получим треть. Сейчас, через полгода, какая разница? – Я отстраняюсь. – Зачем вылизывать ей задницу, ма?

Мать глядит на меня, как на умалишенного. Сочувственно щелкает языком.

– Ты еще слишком молод, чтобы понять, сынок. Поживи-ка с моё.

– Мам. – Хмурюсь я.

– Мне не нужна треть, Кай. – Она деловито поправляет прическу. – Мне нужно всё. Ее часть, бабушкина, накопления, этот дом. – Мать подмигивает мне. – Ты видел? Здесь есть бассейн. Прямо в доме!

– Я не собираюсь быть с ней ласковым.

Улыбка соскальзывает с ее лица.

– Тогда не мешай мне, у меня свои методы.

– Это бред какой-то! – Злюсь я.

– Еще спасибо скажешь. – Холодно бросает она и покидает комнату.

Я ложусь на кровать и уставляюсь в потолок.

В носу все еще щекочет от аромата ирисок. Этот запах пропитал каждый сантиметр дома и, кажется, въелся даже в мою одежду.

Я провожу ладонями по лицу и закрываю глаза.

Мариана смотрит на меня, не моргая, а я держу онемевшими пальцами ее за подбородок. В ее больших глазах огонь и вызов. Но вот слезинка, блеснув, скатывается с ресниц, и я понимаю – она меня боится. Я перепугал ее до ужаса.

Но стыд, нахлынув оглушающей волной, вдруг так же быстро отступает.

Я чувствую присутствие Марианы. Она за стенкой и одновременно повсюду в этом доме. Теперь у нас общее жилье, общая столовая, общая ванная...

Мое дыхание учащается, пульс ускоряется в несколько раз. Черт... Я ненавижу себя за то, что мысли о ней проникли в меня так глубоко. И за то, что тело неправильно на них реагирует.

Я представляю ее в душе и вдруг ощущаю возбуждение.

Какого черта происходит?

* * *

У Марианы нет профиля ни в одной из соцсетей. На поиски у меня уходит около часа, но все бесполезно. Ни по имени, ни по месту проживания, ни по учебным заведениям, я не нахожу абсолютно ничего. Она не делает фото и не делится ими в сети, что только больше заинтересовывает меня. Девушки ее возраста снимают все: от завтрака до собственных ногтей, и отсутствие информации приводит в замешательство и заставляет меня подняться с постели, чтобы разведать все самостоятельно.

С первого этажа слышатся музыка и голоса. Мать разговаривает с Марианой и Лео. Я осторожно прикрываю дверь в свою комнату и направляюсь к соседней – она через стенку от моей. Вхожу. Спальня сводной сестры встречает меня теплом и уже знакомым запахом. Комнатка небольшая, мебели в ней мало: лишь платяной шкаф, кровать, да стол, и потому кажется, что свободного пространства много.

Я разглядываю ее вещи с любопытством. Стол завален кучей тетрадей и учебников, но все они педантично разложены по тематике на ровные стопочки. Ручки и карандаши в органайзере тоже расставлены согласно какой-то определенной системе. Ни одной пылинки, ни одной брошенной небрежно вещи или футболки на спинке стула – ничего. В целом – стерильно, как в операционной, но ощущается девичий дух: у кровати розовые тапочки, маска для сна у изголовья, на подушке книга – в розовом чехле, разумеется.

Я наклоняюсь и беру ее в руки. Что же там в голове у этой больной розовой Барби?

Брэдбери.

Брэдбери? Seriously?

Ее выбор приводит меня в смятение. Я читал этот роман пару лет назад, и он меня буквально поразил.

Проверяю закладку: Мариана остановилась на середине. Значит, книга у нее лежит не для красоты. Возможно, девчонка состоит в каком-нибудь литературном клубе универа, и роман стоит в образовательной программе учебного заведения? Но сейчас ведь еще только начало учебного года...

На всякий случай, я пробегаю взглядом по ее книжным полкам. Учебники, толстенные хрестоматии по мировой литературе, античная, греческая литература, справочник по культурным эпохам, анализ современной литературы, реализм и метамодерн. А на верхних полках труды авторов двадцатого века и модные современные – от Кутзее до Свифта.

Черт подери.

Обнаружив на полке ежедневник, я бегло пролистываю страницы – у этой псевдо-святоши расписан буквально каждый день и час. Похоже, она тронута на тему самоорганизации и контроля. Откладываю ежедневник, заглядываю в платяной шкаф – вещи развешаны в строгой последовательности по цветам и на одинаковом расстоянии друг от друга. Никаких кричащих оттенков, в основном пастельные тона и скучные образы на повседневку: блузки, юбки, платья в деловом стиле.

Она одевается так, будто трудится клерком в банке или просиживает задницу в приемной у мелкого чиновника. Совершенно нет вкуса.

Я провожу пальцами по мягким кашемировым водолазкам, сложенным в аккуратные стопки на полках, а затем открываю выдвижной ящик. В нем оказывается ее нижнее белье – хлопковые трусики, свернутые аккуратными

трубочками и разложенные по специальным ячейкам, кружевные лифчики – белые, черные и, конечно же, розовые. Все такое невинное, что пошлых мыслей и не должно возникнуть, но у меня почему-то учащается сердцебиение. Мне хочется коснуться нежной ткани, ведь мое воображение уже рисует, каково это – снимать ее с бархатной кожи Марианы.

И разозлившись на самого себя, я захлопываю ящик и закрываю шкаф. Нельзя позволить этому дерьму захватить мои мысли. Нельзя!

– Мы с Лео познакомились на танцах. – Слышится голос матери, когда я спускаюсь вниз. – Знаешь, а ведь я когда-то была звездой этого города. Прямой! – Она хохочет. – По мне и не скажешь теперь, да? Но когда-то, до травмы, я была красивой, худенькой и танцевала партию Кармен.

– Не может быть! Кармен?

– Seriously!

Слышится топот. Наверняка, мама показывает, как блистала в свои лучшие годы на сцене.

– Вот это да!

Я останавливаюсь на последней ступени. Мать с Лео танцуют у входа в столовую. На отчине брюки с золотистыми подтяжками, белая майка и стоптанные туфли на низком каблуке, а на голове – широкополая шляпа. На матери халат с вышивкой – явно с чужого плеча, мягкие тапочки, а в волосах – роза. Довольно сюрреалистичная картинка, но это именно то, к чему я привык дома. Шум, смех и балаган, достойные бразильских сериалов.

– Bravo! – Хлопает им Мариана.

Ее лицо светится неподдельной радостью.

– Спасибо, Лео. – Мать отвечает поклон своему сожителю, а затем возвращается за стол. – Так вот. – Она берет руку девушки. – Когда я решила

вспомнить молодость и потряхнуть стариной, я пошла в местный клуб и записалась на зумбу. Оказалось, что в соседнем зале преподают латинское направление, и вуаля! Мы познакомились с Лео!

- Вы преподаете танцы? - Искренне изумляется Мариана.

Она делает взгляд, как у олененка Бэмби, и я стискиваю зубы.

- Танго, сальсу, ча-ча-ча и бачату. - Склоняет голову в полупоклоне Лео. - У меня старшая возрастная группа.

Его шляпа валится на пол.

«Шут гороховый», - качаю головой я.

- Наверное, это очень интересно. - Говорит девушка, пока, кряхтя, поднимает головной убор. - Жаль, я совсем не танцую.

- Так не бывает! - Возмущается Лео. - Все танцуют, моя милая.

- Только не я. - Отвечает Мариана и вдруг осекается, увидев меня.

Такая хрупкая радость, наполнившая ее взгляд, мигом растворяется, уступая место печали и страху.

Надо признать, это мне больше нравится.

Правда, ужасно бесит, что она все еще пытается строить из себя недотрогу.

- Сынок? - Оборачивается мать. Ее тон ласков, но в глазах предупреждение. - Я делаю маникюр Мариане, а потом мы будем ужинать.

- Я не голоден. - Бросаю грубо. - А где бабушка?

- Отдыхает у себя в комнате. Проводи его, Лео.

– Сам найду. – Останавливаю бросившегося мне на помощь преподавателя танго для престарелых.

Мариана опускает взгляд, когда я прохожу мимо.

– Может, что-нибудь яркое? – Предлагает мать, проводя пилочкой по ее ровным аккуратным ноготкам.

Судя по тону, она старается делать вид, что никакого напряжения между нами нет.

– Ой, нет, я не люблю. – Понижает голос девушка почти до шепота. – Стесняюсь, когда на меня смотрят.

– Если не хочешь красный, давай, синий. Синий всегда поднимает настроение, ведь так, Лео?

– Так, моя звезда! – Крякает подхалим.

– Лучше светло-розовый. Вот такой.

Я оборачиваюсь и вижу, как она указывает тонким пальчиком на цвет в палитре. Мы снова сталкиваемся взглядами, и я прищуриваюсь. Мариана сглатывает и отводит глаза.

– Отличный выбор для тех, кто не любит выделяться. – Хвалит ее моя мать. – Но, все же, надеюсь, однажды ты поймешь, как красива, и отважишься подчеркнуть то, чем тебя так щедро наградила природа.

Я оказываюсь в коридоре и толкаю дверь в одну из спален.

Огромная площадь, широкая кровать, встроенные шкафы, зеркала в пол, шикарный вид из окна. Заприметив разбросанные тут и там вещи матери, ухмыляюсь – да, такую комнату она бы никому не уступила.

Бабушкина комната оказывается гораздо меньше – скромная каморка в самом конце перед поворотом к входу в бассейн. Если бы не окно, я решил бы, что ее

задумывали, как помещение для хранения инвентаря.

Внутри темно.

- Ба! - Зову я, входя и прикрывая дверь.

- Мариана? - Раздается голос с кресла-качалки.

Отлично. Девчонка решила забрать у меня последнее, что осталось от отца - его мать. Единственную часть Харри, которая еще поддерживала с нами хоть какие-то отношения все эти годы.

- Нет, это я - Кай.

- Маргарита? - Слабо спрашивает она, пытаюсь приподняться.

Я вздыхаю и подхожу ближе.

- Нет, ба, это я. - Беру ее за руку.

Ладонь бабушки сухая и дряблая.

- А, это ты, мой мальчик. - Она пытается разглядеть мои черты в полутьме.

Я опускаюсь на колени, чтобы ей проще было это сделать.

- Харри... он... - ее голос обрывается.

- Да, бабушка, мне очень жаль. - Говорю я.

Мне всегда было интересно, что говорил ей мой отец, когда навещал. Чем объяснял свой поступок и нежелание общаться с сыном. Он приезжал редко, но все же приезжал - к ней. Значит, их связь многое значила для него. Наверное. Спрашивал ли он обо мне? Интересовался ли моими успехами? Бабушка никогда не рассказывала об этом.

- Я дома? - Вдруг шепотом произносит она. - Почему я не узнаю эти шторы?

- Если захочешь, я отвезу тебя домой.

- Сегодня был дождь.

- Да.

- Когда Харри был маленьким, он очень любил дождь. Всегда выходил гулять. У него были маленькие желтые сапожки, такие с завязками...

Я опускаю голову на бабушкины колени и закрываю глаза. Когда ее морщинистые руки гладят мои волосы, мне всегда становится чуточку легче.

* * *

С утра мне приходится тяжело. Полночи я лежал, глядя в потолок и прислушиваясь к звукам, а теперь нужно вставать едва ли не на рассвете, отвезти в университет документы и постараться не опоздать на тренировку в новой команде. И все это в городе, в котором я еще не очень хорошо ориентируюсь. Без тачки, конечно, будет сложнее, но зато у меня теперь есть деньги - на первое время хватит.

Быстро приняв душ, я одеваюсь и складываю на дно сумки пачки купюр, сверху - экипировку и все необходимое. Прихватив клюшку, покидаю комнату. Стараюсь шуметь как можно громче - чтобы сводной сестрице жизнь медом не казалась. Пусть привыкает, ее королевская жизнь окончена. Но, на удивление, едва я спускаюсь вниз, мать огорошивает:

- Иди, позавтракай, ее нет.

- Ты о ком? - Я делаю вид, что не понял.

- Я про Мариану. - Она ставит на стол тарелку с омлетом и бутерброды. - Свалила в универ. Боялась, что опоздает на автобус.

За столом уже сидит Лео, перед ним чашка кофе.

- Доброе утро, сынок. - Улыбается он, обнажая ряд серых зубов.

На нем та же майка, но шляпа уже другая.

- Привет. - Отвечаю я и, свалив на пол сумку с клюшкой, сажусь рядом.

- Твой кофе. - Мать подает кружку.

- С каких это пор ты готовишь завтраки? - Вдруг спохватываюсь я.

- Это доставка из ресторана. - Отмахивается она, укладывая на поднос точно такую же тарелку с омлетом и мини-сендвичами. - Удобно и быстро.

- Как это у тебя получилось запустить руку в деньги Харри до истечения нужного срока? - Нахмуриваюсь я.

- Лео отнес в ломбард часы, у Харри их целая коллекция.

- Ты начала распродавать его имущество?

- А что тут такого? У них в спальне целая коробка с украшениями. Ни Харри, ни его новой женушке они больше не понадобятся, а нам ведь нужно на что-то жить здесь!

- А если девчонка узнает? - Я оглядываю их обоих по очереди. Лео с невозмутимым видом берет свежую газету, а мать ставит на поднос чай. - Когда содержимое коробки уменьшится, у нее появятся вопросы. Ты же вроде выступала за мирную дележку, мам?

- Она не узнает. - Улыбается мама, подхватывая поднос. - Пока ее не волнует ничего, кроме чертовых учебников. И если ты не станешь цепляться к ней, все так и останется. К тому же. - Она останавливается у стола. - Я временно заменяю этому беспомощному созданию мамочку. Кто-то должен оплачивать мой труд? Кто, если не Харри?

– Может, ты и права.

– Так-то лучше. – Подмигнув мне, мать уносит поднос из столовой. – У меня тут еще завтрак для Хелены. Приходится обслуживать старую неблагодарную стерву, которая не пожелала вразумить сына, когда еще могла. Не могу поверить, что я это делаю! Харри теперь со мной никогда не расплатиться!

* * *

Спортивный комплекс оказывается грандиозным сооружением, находящимся недалеко от территории университета, и поэтому мне везет – я успеваю к назначенному времени. В последнее время меня мало беспокоили опоздания на тренировки, ведь в родном Сампо я был восходящей звездой, но здесь – здесь по-прежнему никем, пустым местом.

В любой команде бывают свои лидеры, сыгранные тройки, звенья, и вряд ли кто-то из основного состава захочет подвинуться ради новичка. Мысль о том, что придется заново доказывать, что ты ценный игрок, хороший партнер и отчаянный боец, подогревает напряжение до предела. Мне приходится отдышаться прежде, чем постучаться в кабинет тренера, но наш с ним разговор оказывается коротким:

– Давай сразу на лед, Турунен. – Говорит он мне, торопливо покидая тренерскую. – Все уже там. Посмотрим, на что ты способен.

– Хорошо. – Немного теряюсь я.

– Раздевалки налево. – Указывает он, удаляясь по коридору.

По пути сюда я видел комнату заточки, но, похоже, сбегать туда, у меня уже не выйдет. Торопливо направляюсь в раздевалку и чуть не сшибаю плечом какого-то здоровяка с папкой документов в руке.

– Новенький? – Усмехается он.

Парень моего возраста. Судя по фигуре, тоже хоккеист.

- Да, - киваю я, - раздевалки там?

- Ага. - Незнакомец прихрамывает. - Идем, покажу.

Он провожает меня до нужного помещения и останавливается в дверях:

- Так это ты живчик из Сампо?

- Что?

- Тебя взяли на мое место. Так?

- Не в курсе.

Парень оценивающе прищуривается.

- Я слышал разговоры в тренерской. У меня оскольчатый перелом, и в нашу тройку нужна была замена. Видимо, никто из своих не подошел, раз выбрали тебя.

- Послушай, мне жаль, что с тобой так вышло. - Хмурюсь я. Затем нахожу свободный ящик и швыряю сумку на пол. - Хотя, нет, не жаль. Твой перелом - мой шанс заиграть в команде, и я планирую им воспользоваться.

И тут он раздражается смехом.

- А ты молодец. - Подойдя ближе, парень протягивает ладонь. - Виктор.

- Кай.

Мы жмем руки.

- Если тебя реально поставят в нашу тройку, то ты должен знать, с кем имеешь дело. Ян Климов выделяется сильнейшими снайперскими бросками и комбинационным дарованием, а у Лехи Стерхова необъяснимое чутье надобивания - он всегда оказывается там, где шайба. Этому звену нужны не

сольные голы, а голевые передачи.

– Спасибо. – Я отворачиваюсь и начинаю переодеваться.

– И слушай защитников, они у нас опытные, плохого совета не дадут. Не удивляйся, что Климов постоянно впереди, у нас уже так сложилась комбинационная игра в нападении.

– Ты вообще возвращаться не планируешь? – Спрашиваю я в лоб, поворачиваясь к нему.

На лице парня появляется добродушная улыбка.

– За команду переживаю, впереди ведь чемпионат. – Он пожимает плечами. – Но если я вернусь, тебе придется отчалить домой. Для меня здесь достойных соперников нет.

Он мне уже нравится.

Я возвращаю ему улыбку и добавляю:

– Ни за что.

Команда принимает меня ни холодно, ни горячо. На тренировке они будто и не замечают меня вовсе, а вот когда начинается игровая, тут сразу все дают понять, что не собираются меня щадить.

Хоккеист должен уметь терпеть боль, и синяки и ушибы для меня привычны, но тут совершенно другие скорости, и другие броски. Борты трещат от ударов тел, и мне пару раз попадает так больно, что, кажется, будто больше не смогу подняться. Но, отдышавшись, я сам себе напоминаю, ради чего все это, и, встав на ноги, снова кидаюсь в бой.

Виктор был прав – мне дают попробовать сыграть с Климовым и Стерховым. Несколько минут, пока идут чужие смены, мы отдыхаем, а затем вскакиваем, переваливаемся через борт и мчимся в гущу схватки. Я замечаю, как

напряженно следит за игрой тренер. Но все же у меня сильные ноги, и я виртуозно владею коньками: при необходимости мгновенно меняю ритм, набираю и тут же гашу скорость.

К тому же, выручает развитое периферическое зрение: маневрируя скоростью, я играю с поднятой головой и отлично вижу «поляну». Смотрю влево, давая понять противнику, что пошлю туда пас, а затем неожиданно даю передачу вправо. Вот и в этот раз: прорываюсь с шайбой к линии, и на меня бросаются два мощных защитника. Торможу, набираю скорость, объезжаю. Они только разворачиваются, а я уже один на один с вратарем – броском отправляю шайбу в сетку.

Но радость оказывается недолгой. Тут же кто-то из парней врывается в меня сзади. Вряд ли это случайность. Я падаю лицом вниз и слышу смех.

Но они просто плохо меня знают.

Может, я и из Сампо, но там мне не приходилось прохлаждаться. Я ежедневно подолгу изнурительно тренировался, таскал на себе товарищей в полном снаряжении, гонял по льду в свинцовом поясе, набирал темп до предела и не сбавлял ни на секунду. Что мне какое-то падение? Так, ерунда.

Пересиливая себя, встаю, сжимаю зубы и, подгоняемый криками тренера, бросаюсь в самую гущу битвы. «Полезный», «быстрый», «упорный», «непримиримый» – своими действиями на льду я оправдываю каждый из эпитетов, которыми сопроводили мое личное дело. Идеально даю голевой пас, и Климов вталкивает в сетку важную шайбу.

Гол!

– Турунен, а кто за тебя в обороне отрабатывать будет?! – Орет тренер, едва я плюхаюсь на скамейку, чтобы перевести дух.

– Климов, а где передача?!

– Стерхов, что с добиванием?!

И в этот момент я ощущаю то самое удовлетворение, которое всегда помогало мне чувствовать себя живым. Сердце бьется, как бешеное, места ушибов болят, а тренер кричит так, что закладывает уши, – значит, ты все еще часть игры.

Позже, в раздевалке, партнеры по команде пожимают мне руку, и мы впервые заводим разговор.

– Неплохо. – Улыбаясь, говорит мне Виктор.

В раздевалке он по-прежнему свой.

Все смеются, спорят, шумят, кидаются одеждой, подначивают друг друга, и я с удовлетворением отмечаю, что больше особо не выделяюсь среди этих ребят.

Даже вручая деньги тренеру, я понимаю, что так делают все. Дальше некоторых из нас ждет громкая карьера, и необходимость во взятках и откатах отпадет. Менее же удачливые продолжат играть в лигах уровнем ниже и продолжат платить. Главное, не оказаться в числе вторых.

Мариана

– Мариана!

Я оборачиваюсь. Это Алина машет мне рукой.

Я надеялась, что сяду за столик в углу столовой, разберусь с расписанием, скорректирую план по изучению пропущенного за время моего отсутствия материала и буду там настолько неприметной, что не придется разговаривать ни с кем. Но, кажется, эта девушка очень рада меня видеть.

Не то чтобы я была сильно удивлена – в школе у меня имелись друзья, но за время болезни матери я настолько привыкла держаться особняком и хранить все переживания в глубине себя, что уже и забыла каково это – нормально общаться с кем-то, созваниваться и проводить свободное время вместе.

– Привет. – Я останавливаюсь у столика, ожидая приглашения.

Рядом с Алиной сидит еще какой-то паренек. Щуплый, с растрепанными волосами, впалыми щеками и большими выразительными черными глазами. Он кажется слегка растерянным.

- Привет! Да падай ты! - Алина стучит ладонью по стулу. - А это... - Она указывает на парня. - Как тебя? Никита?

- Да. - Он кивает.

- Никита. - Подтверждает она.

- Вы что, только что познакомились? - Удивляюсь я.

- Нет, мы лучшие друзья. - Улыбается она. - Уже целых... - Девушка смотрит на часы. - Целых семь минут!

- Так бывает? - Я кладу на стол поднос, вешаю сумку на спинку стула.

- Думаю, это судьба. - Хохочет Алина. - Один из придурков-хоккеистов начал задирать Ника в очереди, намекая на его ориентацию. Ну, я подошла и поцеловала Ника: «типа, какие еще вопросы?» Он сразу отстал, и мы решили зафрендиться по-настоящему. - Девушка припадает крашенными губами к коктейльной трубочке и шумно тянет напиток. - И самое смешное, знаешь что?

- Что?

- Похоже, Никита и в самом деле гей.

- Да? - Я поворачиваюсь к парню. - Так тебе не требовалась помощь?

Он пожимает плечами. Выглядит растерянным.

- Твой новый друг не разговаривает? - Спрашиваю я у Алины.

- Разговариваю. - Хрипло отвечает Никита. Его длинные, тонкие пальцы впиваются в стакан. - Просто... не знаю... переволновался. - Он косится куда-то в

сторону. – Виктор все еще смотрит на нас.

Я осторожно поворачиваюсь. Через два столика от нас сидят крепкие парни. Один из них, широкоплечий, с темными волосами, смотрит на нас, развернувшись в полкорпуса.

– Я бы тоже завела себе дружка-хоккеиста. – Тихо произносит Алина. – Прости, Ник. Но эти самодовольные павлины все как на подбор красавцы, ослепнуть можно! Говорят, в честь осеннего бала будут организованы соревнования между студентами разных групп. Будет на что посмотреть.

– Мне больше нравятся светловолосые. – Уперев локти в стол, хмыкает наш новый знакомый.

– Такие, как этот? – Напевно произносит рыженькая. – Извини, но его уже заняла Мариана. Он не сводит с нее глаз с тех пор, как вошел в столовую.

Я с удивлением следую за ее взглядом и натываюсь на Макса Лернера, который в первый день помог мне найти нужную аудиторию. Парень проходит меж столов, здоровается за руку с каждым из хоккеистов, а затем направляется к нам.

Три, два, один – боже, мое волнение готово перелиться через край!

– Привет, Мариана, – он бегло проводит глазами по сидящими за столом, а затем впивается взглядом в меня. – Я – Макс, помнишь меня?

Жар начинает медленно приливать к моим щекам.

– Э... привет, да.

Наверное, нужно встать? Как-то неудобно, что он смотрит на меня сверху вниз. Но не вскакивать же с места? Поэтому я остаюсь сидеть неподвижно.

– Как дела? – Парень добродушно улыбается.

– Хорошо, – отвечаю я на дежурный вопрос.

Повисает неловкая пауза.

- Уже освоилась в Большом? - Спасает положение Макс.

Теперь я понимаю, почему девушки в гимназии бегали за ним толпами: он любезен, вежлив и чертовски неотразим.

- Немного. - Вру я.

У меня не было времени привыкать к здешней обстановке и порядкам, потому что я пропустила неделю из-за смерти отца. Но не вываливать же все это на первого встречного?

- Это хорошо. - Кивает он. - Приходи со своими друзьями ко мне на вечеринку в выходные, ладно? Родители уезжают на курорт, и сестра хочет оторваться.

- Кто-то еще будет? - Брякаю я.

И неумолимо краснею. «Надо же такое ляпнуть!»

Но Макс дарит мне очередную сногшибательную улыбку:

- Думаю, да. Вика, моя сестра, уже раструбила о вечеринке на весь универ, так что я жутко переживаю, как бы гости не разнесли весь наш дом. - Он склоняет голову на бок. - Так ты придешь?

- Я... - У меня в горле пересыхает.

- Придет, конечно. - Отвечает за меня Алина. - Мы как раз обсуждали, где бы оттянуться в выходные.

- Отлично. - Макс как бы невзначай касается моего плеча. - Ладно, буду ждать. До встречи!

И махнув рукой нам на прощание, удаляется из столовой легкой, уверенной походкой.

- Дыши! - Приказывает Алина, обмахивая меня тетрадью с конспектами.

- Что? - Я пытаюсь сделать невозмутимое лицо.

- Похоже, у тебя поднялась температура. - С улыбкой замечает Никита.

- Ерунда. - Ворчу я, ерзая на стуле.

- Не переживай. Ничего такого в этом нет. Красивый парень из состоятельной семьи пригласил тебя к себе на вечеринку. - Мечтательно говорит Алина. - Любая бы разволновалась!

- Только не я. - Отвечаю сердито. - И никаких вечеринок! Я не флиртую, не пью алкоголь и не встречаюсь с парнями - это мое правило. Я обещала маме, что буду серьезно относиться к учебе.

- Ну-у-у... одно другому не помеха. - Заявляет Ник.

- Подожди. - Алина кладет ладонь на его руку, затем поворачивается ко мне. - Кстати, как там дома? Ты ведь только что похоронила отца, Мариана.

- Все замечательно. - Говорю я неуверенно. - Теперь со мной живет бабушка, сводный брат и его родители.

- Это... та тетка, похожая на цыганку? - Морщит лоб девушка.

Я улыбаюсь.

- Да, они немного... своеобразные. Бывшая жена моего отца из Сампо, и она очень простая и очень душевная. Видно, что Маргарита Семеновна многое пережила в жизни, что не хватала звезд с неба - она так искренне восхищается всему, что видит вокруг! И ко мне отнеслась с теплотой... - Я пожимаю плечами. - В доме теперь уютно, и всегда кто-то разговаривает. Не представляю, что я делала бы одна в полной тишине. Сошла бы с ума, наверное. А тут... тут мне есть с кем поговорить, да и бабушка во мне нуждается: она совсем старенькая, временами путается в происходящем - еще бы, ее сын умер. В

общем, я чувствую, что должна поддержать ее.

– Хорошо, что ты не одна. – Сочувственно сжимает мою руку Алина. – Мне жаль, что так получилось с твоим отцом.

– Мне его очень не хватает. – Признаюсь я. – Харри всегда помогал мне преодолевать застенчивость, подталкивал, чтобы я была смелее, поддерживал в любом начинании.

– Тогда я сделаю это сегодня за него. – Говорит девушка. – Ты должна быть смелее и увереннее, Мариана. Учеба никуда не убежит. Давай, пойдем на эту вечеринку и отдохнем там, как следует!

– Я за! – Оживляется Ник.

И я, сама не знаю зачем, смущенно киваю им головой.

– Ну, хорошо.

* * *

– А потом я втиснулась кое-как в этот автобус и ехала в таком положении до самого универа! Чуть не прозевала нужную остановку! – Смеюсь я, рассказывая за ужином о своих утренних злоключениях.

– Бедная ты моя девочка, – сокрушается Рита. – Но ведь в гараже стоит машина Харри! Разве ты не водишь?

– Папа каждое утро сам возил меня в университет. А я... У меня еще совсем нет опыта.

– Тогда Кай мог бы подбрасывать тебя по пути! Все равно будет ездить туда на лекции и утренние тренировки.

– А что? – Поддерживает ее Лео. – Хорошая идея. Так вы быстрее найдете общий язык.

– Ты могла бы дать ему шанс, Марианочка. – Кивает Рита. – Он ведь у меня хороший парень. Просто стал заложником наших дрызг с Харри: мы были молодыми и глупыми, когда разошлись. – Она трясущимися руками комкает в руках салфетку. – Это он на нас злится, а не на тебя.

– Я поговорю с ним. – Обещаю я. – Уверена, все наладится.

– Ты поступаешь правильно. – Улыбается женщина. – Я бы хотела иметь такую дочь, как ты: целеустремленную, серьезную, благородную, добрую.

– Спасибо.

* * *

После душа я возвращаюсь в свою комнату, обернувшись полотенцем. Проходя мимо комнаты брата, отмечаю, что внутри тихо – возможно, он уже спит. Рита говорила, что Кай сегодня был на хоккее – наверное, сильно устал. Насчет машины можно будет поговорить и утром.

Я вхожу в свою спальню и вздрагиваю от неожиданности: Кай стоит у моего стола, разглядывая мои учебники.

– Привет, – тихо говорю я, инстинктивно прихватывая края полотенца сверху.

Его взгляд быстро проносится по моему телу: от мокрых ступней до ключиц, покрытых капельками воды, и тут же мрачнеет.

– Что ты тут делаешь? – Спрашиваю я.

Кай продолжает молча сверлить меня недовольным взглядом.

– Хорошо. – Говорю я примирительно. – Зачем бы ты ни пришел, я тоже собиралась с тобой поговорить. Если ты дашь мне переодеться...

Выражение его лица не меняется. Парень не собирается покидать помещение.

– Ладно. – Вздыхаю я. По спине разбегаются мурашки. Вся эта его враждебность, насупленный вид, татуировки – все это ужасно пугает меня. – Кай, я хотела сказать, что... мы с тобой не с того начали. Поверь, я тебе не враг. И отношусь к тебе совершенно нормально. Я... не собираюсь препятствовать тому, чтобы ты получил все, что тебе причитается от отца. Ты должен владеть этим по праву. – Я подхожу ближе и беру со стола ключи от автомобиля Харри. – Вот. – Протягиваю ему. – Это ключи от машины твоего отца. Думаю, нам обоим будет удобно, если мы станем добираться на ней до универа утром вместе.

И в этот момент парень начинает хохотать. Звонко и издевательски заливисто.

– Я понимаю, как ты это воспринимаешь. – Говорю я, кусая губы. – Но поверь, я сейчас говорю совершенно искренне.

Кай резко перестает смеяться и сжимает челюсти. Это движение заставляет меня настороженно съежиться. Клянусь, в этот самый момент я вижу в его глазах настоящее безумие.

– Мне не нужны твои подачки. – Выдыхает он мне прямо в лицо. – Все, что мне нужно, я возьму сам. Потому что оно и так мое.

– Кай... – Я сглатываю. – Ну, почему тебе нужно все время быть таким...

– Каким? – Нависает парень надо мной.

– Таким... ужасным, грубым... плохим.

Его бледное лицо озаряется ядовитой улыбкой.

– Потому что мне нравится. Быть. Плохим. – Отвечает он победоносно.

Я дрожу, глядя на него.

– А почему тебе нужно всегда быть такой... правильной? – Спрашивает Кай, касаясь пальцами края полотенца на моей груди. – Ведь это же просто маска, разве нет? Зачем ты обложилась учебниками, словно какая-то зубрила? Лучше бы подыскала себе мужика, который станет тебя обеспечивать. Разве не этим ты

занималась последние два года? Не обслуживала моего отца?

Глава 3

Ключи от машины выскользывают из моей ладони, и Кай подхватывает их на лету. Едва он выпрямляется, я стираю мерзкую ухмылку с его лица хлесткой пощечиной.

Бах!

Даже не знала, что во мне столько силы и решительности. Голова Кая отлетает назад от удара, а затем медленно возвращается. Его взгляд, точно закат над морем: удивление быстро сменяется гневом – зрачки темнеют и наливаются стальной синевой.

– Ух-ходи, – едва слышно прошу я.

И подхватив полотенце руками, отступаю назад.

Как в замедленной съемке парень поднимает руку и касается своей пылающей щеки. Он словно не верит, что я только что ударила его.

– Вон! – Всхлипываю я.

И Кай, будто придя в себя, разворачивается и стремительно покидает комнату.

Хлопает дверь, и я втягиваю голову в плечи. Меня трясет. Ладонь все еще горит, а сердце больно толкается в ребра.

Если честно, даже не ожидала от себя. Никогда прежде я не поднимала ни на кого руку. Но никто прежде и не смел открыто унижать меня, если уж разобраться.

Но кем бы Кай ни считал меня, я не позволю ему говорить обо мне подобные вещи. Неужели, он, правда, считает меня шлюхой, которая спала с его отцом? Или это было попыткой задеть меня? Если да, то это жестоко. Очень жестоко.

Я запираю дверь в свою комнату и наваливаюсь плечом на стену.

Как же не хватает сейчас мамы и Харри! Хоть кого-то, кто мог бы вступить за меня, поддержать, дать верный совет. На глаза от обиды выступают слезы, тело от напряжения сводит дрожью.

Я боюсь Кая, но, одновременно с тем – чувствую боль, притаившуюся за его мрачной маской. Он словно дикий волчонок: огрызается, чтобы никто не смел к нему подходить, пытается запугать – чтобы никто не разглядел его настоящего. Но... что же там, у него внутри?

Следует ли мне верить тому, что вижу? А если сердце подсказывает, что нужно заглянуть глубже? Может, там, в его сердце, как у мальчишки из сказки, засела крошечная льдинка, избавив его от которой, можно освободить и его самого?

Нет. Напрасные мысли.

Кай жесток и опасен.

Рядом с ним я ощущаю себя уязвимой. То, как он смотрел на меня минуту назад – оценивающе, нехотя, словно его заставляли смотреть на то, что вызывает у него отвращение. От этого взгляда по моему телу разносились мурашки, а в животе собиралось упрямое тепло. Даже сейчас у меня такое ощущение, будто его слова и дикий взгляд продолжают жалить меня, забираются под кожу и причиняют нестерпимую боль.

Я подхожу к окну и распахиваю его. Пульс продолжает гроыхать в ушах. Мне нужен воздух. Больше свежего воздуха.

Я упираю руки в подоконник и делаю жадный вдох. Закрываю глаза. Ветер подхватывает мои мокрые волосы, забирается под полотенце, холодит кожу, и мне приходится сильно зажмуриться, чтобы не дать воли слезам. Я не стану

реветь из-за этого грубияна. Не стану!

И тут в саду раздаются шаги.

Я открываю глаза и замечаю Кая. Он мерит садовую дорожку широкими, размашистыми шагами. Садится на скамейку, вскакивает, продолжает движение и, наконец, останавливается возле угла дома. Приваливается спиной к стене, обвитой побегами девичьего винограда, достает сигарету и закуривает.

Я осторожно отхожу в сторону, пока он меня не заметил. Наблюдаю за ним из-за занавески. Дым ласкает его напряженное лицо и тает на красных листьях винограда. Кай вытягивает перед собой руки и долго смотрит на дрожащие пальцы.

Ему плохо. Он с трудом может унять ярость.

Пока парень не покидает сад, я не закрываю створки. Боюсь, что он увидит меня и решит, что я за ним подглядываю. В этот вечер мне не удастся позаниматься с учебниками – мысли постоянно крутятся вокруг нашей стычки.

Ложась в постель около полуночи, я прислушиваюсь к звукам за стеной, но ничего не слышу. Только цикады поют свои сумеречные песни за окном в саду.

Уснуть получается не сразу: сердце никак не хочет успокаиваться.

Но едва я засыпаю, вижу во сне Кая. Он не улыбается, парень абсолютно спокоен. Его синие глаза пронизывают меня насквозь, взгляд медленно скользит по моему телу – все ниже и ниже... Я пытаюсь подтянуть край полотенца повыше, но парень перехватывает мое запястье, и ткань падает на пол.

Мы замираем.

Кай разглядывает мою грудь, живот и затем ноги. Он хищно прищуривается, а у меня перехватывает дыхание – я не могу защититься. Я полностью в его власти. Парализована. Не способна сделать движение или вымолвить слово. И ему это нравится: он знает, что я чувствую, и уголки его губ медленно приподнимаются.

- Ты хочешь, чтобы я коснулся тебя? - спрашивает Кай, подходя вплотную.

Между нашими губами всего несколько сантиметров. Я чувствую тепло его рук - так, будто бы они уже на мне.

- Нет, - хочется сказать мне, но я разучилась разговаривать.

У меня и вдохнуть-то получается с трудом - я будто муха в паутине.

- Хочешь? - переспрашивает он.

Его голос глубокий и сильный, от него по моему телу расплзается мучительный жар.

- Да. - Собственный голос кажется чужим.

Каждая клеточка моего тела звенит ожиданием его прикосновения, я задыхаюсь в ожидании его поцелуя, но этому не суждено произойти даже во сне - я вдруг вскакиваю от какого-то неприятного звука.

Что это?

И вдруг догадываюсь - это визг шин.

Поднимаюсь с постели и подбегаю к окну, чтобы убедиться: этот подлец только что выехал из гаража на машине отца и унесся прочь, не дожидаясь, пока я спущусь.

Отлично. Значит, сегодня опять придется добираться в университет на автобусе. Ну, что ж, такое развитие событий хотя бы избавит меня от этих странных снов.

* * *

Два главных вывода этого дня. Первый: наверстать упущенное за неделю не так-то просто, особенно, если у тебя не получается сосредоточиться на учебе, (и

виной всему мысли о том, что учебы совершенно не касается). Второй: в университете подобные вещи никого, кроме меня, кажется, не парят.

Здесь вообще все разговоры – в каждом закоулке, на каждом подоконнике, в каждом кабинете и даже на лавочках в парке – только о том, какие вечеринки прошли вчера, и какие планируются завтра. В любой компании обсуждают, как круто отдохнули на выходных, и как будут отрываться на следующих.

И всё.

Занятия не волнуют никого.

Даже Алину с Ником. Они развалились на траве под теплым сентябрьским солнышком и обмениваются впечатлениями о вечеринках, которые проходили в их школах до окончания года.

Если бы мне было что вставить на эту тему, я поддержала бы разговор. А так – сижу рядом на собственной сумке и рисую галочки на полях ежедневника: отмечаю, какие дела уже сделала, и какие нужно успеть завершить к концу недели.

Интенсив по истории мировой литературы остается, к моему глубокому сожалению, главным камнем преткновения. Судя по слухам, попасть к профессору Двинских на этот курс – задача не из легких, но я все лето готовилась, и эти дополнительные часы очень помогли бы мне на пути к моей мечте.

– О чем задумалась? – Наклоняется на мое плечо Алина.

От ее волос пахнет сладкой ватой и теплым, осенним солнцем.

– Высчитываю, сколько времени нужно будет уделить на неделе чтению модулей по словесности, чтобы освободить вечер субботы для мероприятия.

– О-о, это серьезно. – Переглядываясь с Никитой, замечает подруга. – Тебе нужно больше времени уделять словесности, Мариана. Особенно русской. Это ж надо так запутано сообщить нам о том, что ты собираешься всю неделю читать

книжки, чтобы пойти отдохнуть с друзьями в выходные!

Они с Ником смеются, а я закатываю глаза.

- Не обижайся. - Толкает меня парень. - Она же не со зла.

- Я знаю.

- Просто тебе нужно чаще расслабляться.

- Ты напряжена. - Подхватывает Алина. Она кладет руки мне на плечи и начинает массировать. - Вот так. Лучше?

- Просто я всегда собрана и организована. Мама учила меня ставить цели и идти к ним прямой дорогой. Не уверена, что вечеринки хоть как-то способствуют этому!

- Но молодость уходит. - Улыбается Ник. Он вытягивает ноги и разваливается на траве. - Так говорит моя мама. - Парень раскидывает руки и уставляется в прозрачное голубое небо. - «Не успеешь моргнуть, - говорит она, - и тебе уже тридцать. Ты тухлый менеджер в тухлом офисе, у тебя такой маленький доход, что его не хватает даже на недельный отдых за границей, и каждый день ты вынужден тащиться на постылую работу, проживая там свой бесконечный и бессмысленный день сурка, а в выходные переть на дачу с сопливыми детьми, которых у тебя уже двое - несмотря на решение не иметь детей вообще. Так что живи сейчас, пока молодой!»

- Это лучшее материнское наставление из тех, что я слышала. - Признается Алина. - Любимый завет моей мамы: «Все мужики - козлы». И знаете? Это всегда работает!

- Кстати, о козлах... - Перевернувшись на бок, понижает голос Ник.

Мы перехватываем его взгляд, и Алина опускает руки, заканчивая тем самым сеанс массажа.

- Да неужели... - Говорит подруга, закусывая губу.

- Именно. - Подтверждает Никита.

В тридцати метрах от нас на скамейке располагается компания парней.

- Те самые хоккеисты? - Догадываюсь я.

Их человек восемь, все выглядят крепкими, но на одном из ребят спортивная куртка с эмблемой клуба - жирная подсказка.

- Да. - Алина сглатывает. - А это, похоже, тот, о котором с утра, не затыкаясь, трещит Вика Лернер со своими подружками из группы поддержки.

- Новенький из Сампо?

- Ага.

Но я замечаю Кая еще до того момента, как его фигура показывается из-за толпы парней. На нем черная кожаная куртка, темные джинсы, грубые ботинки. Он держится прямо и уверенно - будто хозяин жизни. Смеется открыто, но свысока - словно делает одолжение тому, кто только что пошутил.

- Хорош. - Тихо произносит Ник, поднимаясь и усаживаясь ровнее. - Но не мой типаж.

- Думаешь, тебе такие не по зубам? - Искоса глядит на него подруга.

Я вижу, как она инстинктивно поправляет волосы и облизывает губы, будто хочет понравиться кому-то из той толпы.

- Этот точно по девчонкам. - С видом знатока замечает Ник. - Знает себе цену и знает, что любая почтет за счастье оказаться в его объятиях. Простите, девочки.

- Да уж. - Алина поднимает мой ежедневник и принимается обмахивать им лицо.

Мне кажется, я краснею и бледнею одновременно. Это ужасно.

– Почему это любая? – Мой голос не звучит так уж уверенно, как сама фраза. – Он так выглядит... фу! Вульгарно, развязно. Неряшливо. Как такой может кому-то понравиться?

– Да брось. – Алина по-прежнему не отрывает взгляда от компании парней. – Сразу же видно – альфа. Рядом с таким девчонки чувствуют себя привлекательными: «типа: гляди, он выбрал меня!», а их подружки пускают слюни от ревности. К тому же, с плохишами всегда весело, и они могут защитить, если нужно. А еще они та-а-ак красноречиво льют в уши и так рьяно добиваются тебя, что этот короткий миг, пока вы вместе, стоит того, чтобы запомнить его на всю жизнь.

– Похоже, твоя мама имела в виду именно этого красавчика, когда говорила, что все мужики – козлы! – Смеется Ник.

Взгляд Алины на мгновение затягивает печалью:

– Нет. Не его. – Она кивает головой. – Вон того, в спортивной куртке. Витька Серебров. Мы учились вместе. Он замутил со мной перед экзаменами, наплел с три короба, а я и развесила уши. Переспали на выпускном и больше не виделись: он расстался со мной по смс, представляете?

– Ух, ты... – Сочувственно касается ее плеча Ник. – Сожалею, подруга.

– Теперь он не Витька, а Виктор, и о его победах на любовном фронте трезвонят у нас во дворе чуть ли не каждый день. Мама говорит, он всякий раз таскает домой разных девиц! Хорошо, что я вообще не смотрю в окно, выходящее на его дом! – Алина беспечно отмахивается, но, похоже, это лишь слова, и она действительно тяжело переживает воспоминания об их разрыве. – Хорошо хоть ногу сломал! – Бросает подруга. – Теперь этот красавчик из Сампо заменит его в команде надолго. Зная, как Витька жить не может без хоккея, начинаю верить во вселенскую справедливость!

– Ты посмотри, и эта уже здесь. – Морщится Ник, когда к Каю подходит несколько девушек во главе с худой, рослой блондинкой.

Она вкладывает свою руку в его ладонь. Кай жмет ее, не отводя от девушки глаз.

– Виктория Лернер не упустит такого шанса. – Усмехается Алина. – Мы с ней дружили – еще в школе. Больше всего она падка на то, что есть у других. Сначала копировала меня в одежде, затем записалась в секцию танцев, где я занималась. Мне казалось – мы так дружим, но все прояснилось после того, как Вика отобрала всех моих подруг, настроив против меня, и стала отбивать всех моих ухажеров – начиная от Климкина, который ел свои козявки, заканчивая косоглазым Геллером, который был ниже ее на голову. Вот ни капли я не удивилась, когда узнала, к кому Витька от меня ушел! Не смогла королева простить мне выпускного танца и поцелуев с красавчиком-хоккеистом!

– Она что, переходящее знамя? – Хихикает Ник.

– Уверена, Вика так не считает. – Фыркает подруга. – А сейчас этот... как его? Кай? Он представляет для нее наибольший спортивный интерес – самый обсуждаемый парень в университете. Девчонки от зависти лопнут, если она станет с ним встречаться!

– А почему бы тебе с ней не потягаться? – Предлагает Никита. – А что? Ты ведь у нас красотка.

– Брось, – пихает его в плечо Алина.

– Я серьезно! – Возвращает толчок парень. – Разве он тебе не нравится? Смотри, какой... горячий! Почему бы тебе не закрутить с ним ей назло?

– Нет! – Вдруг восклицаю я неожиданно для себя самой.

И ребята оба уставляются на меня.

Я смущенно отвожу взгляд и смотрю на Кая. Его блестящие черные волосы растрепаны и колышутся на ветру. Мне кажется, я чувствую аромат его геля для душа, и от этого пульс ускоряется, а в щеки бьет колючий жар. Разговаривая с этой блондинкой, Кай надменно кривит губы, и у меня пересыхает в горле, ведь сегодня во сне я отчетливо понимала, что желаю поцеловать их.

– Только посмотрите на него. – Вздыхаю я. – Одет... небрежно! Весь растрепанный какой-то. Еще татуировки эти...

Он принадлежит к тому типу людей, от которых я всегда стараюсь держаться подальше – вот о чем я думаю в этот момент.

– Не говори, что судишь его за внешний вид. – Усмехается подруга. – Татухи? Да у кого их нет?

У меня.

– А еще он невоспитанный и грубый! И... недалекий! Зачем тебе такой?

– Слышала, что у него хорошие оценки. – Замечает Алина, переводя взгляд на компанию хоккеистов. – Поэтому его и перевели к нам.

– Как у такого невежи могут быть хорошие оценки? – Недоумеваю я.

– Так, стоп. – Обрывает меня Ник. – Откуда такие познания?

Эти слова дрожью пробегают по позвоночнику.

– Я... – С трудом проталкиваю слюну в пересохшее горло, затем поворачиваюсь к ребятам. – Кай... В общем, он – мой сводный брат.

– Вот это поворот! – Чуть громче, чем нужно восклицает Никита.

И я с ужасом поворачиваюсь в сторону и врезаюсь взглядом в Кая. Его лицо немедленно напрягается, скулы заостряются, а глаза принимают жесткое выражение.

Мое сердце снова мучительно замирает, но я не отворачиваюсь – с трудом, но выдерживаю его пронзительный взгляд.

– И ты живешь с ним в одном доме? – Шепчет Алина.

Сестра Макса Лернера оборачивается, чтобы проследить за взглядом Кая и недовольно прищуривается, заметив нас. Парень возвращает на свое лицо обычное выражение безразличия и, отвернувшись, продолжает с ней разговор.

Тут же забыв о нас, девушка снова сияет и флиртует с ним.

И только в этот момент у меня получается выдохнуть. Воздух покидает мои легкие шумными толчками – я почти кашляю, приходя в себя.

– Да. – Вспоминаю о вопросе Алины. – Он устроился в соседней комнате.

– Не завидую. – Ник трясет рукой, словно обжегся.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Кай Турунен, Эмилия, Оливия Ярвинен являются героями книги «Небо, полное звезд» Лены Сокол.

Купить: https://telnovel.me/sokol_lena/plohaya-devochka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)